

Подписная цена с доставкой и пересылкою:

Table with subscription rates for different regions: Tomsk, city, foreign, and abroad.

Подписка и объявления (по таксам) принимаются в книжном магазине П. И. Макушина в Томске и Иркутске.

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Отдельный № 3 н. ВЫХОДИТ ЕЖЕДНЕВНО, ИСКЛЮЧАЯ ДНЕЙ ПОСЛѢ ПРАЗДНИКОВЪ. Отдельный № 3 н.

Отдѣленія конторы редакціи „Сибирской Жизни“ для приема подписки и объявленій: въ Барнауль у В. К. Штильке (соб. д.), — Омскъ у И. Ф. Соколова (Тарская ул., домъ Е. А. Соколовой, бывш. Ливановой), — Москвѣ у И. К. Голубева (Покровка, № 52), — Курганъ въ Курганской библ., — Кузнецкѣ у К. М. Лопоткина (маг. Васильевыхъ), — Мариинскѣ въ библ. А. Е. Шатинова, — Челябинскѣ у С. Г. Попова (аг. Надежда).

Кромѣ того, объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или жившихъ свои главными конторами или правленіями въ Сибирѣ, принимаются въ центральную конторѣ объявленій Т. Д. Л. и Э. МЕТЦЛЬ и К. въ Москвѣ, Мясницкая улица, домъ Сытова, въ его отдѣленіи, въ С.-Петербургѣ, на Вол. Морской № 11 и въ конторѣ объявленій Л. Шабертъ, Покровка, д. бр. Соболевыхъ.

Контра редакціи „Сибирской Жизни“ при изданіи П. И. Макушина открыты для справокъ и объясненій по дѣламъ редакціи ежедневно (кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней) съ 9 до 12 ч. утра и 6 до 8 ч. веч. Телефонъ № 85.

По случаю праздника слѣдующій номеръ „Сиб. Ж.“ выйдетъ въ среду, 27 мая.

Въ воскресенье 24 и понедѣльникъ 25 мая въ помѣщеніи бесплатной библіотеки будетъ демонстрироваться КИНЕМАТОГРАФЪ или живая фотографія на экранѣ, послѣдней французской конструкціи.

ТОМСКОЕ АГЕНТСТВО Коммерческаго страхового общества принимаетъ страхованіе отъ огня, жизни и транспортвъ. Магистратская ул., домъ Сиб. Торг. банка. Агентъ Г. М. Гинзбергъ. 39

Ярославско-Костромского земельного банка выдаетъ долгосрочныя ссуды подъ залогъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ изъ 5 1/2% годовыхъ и 3% въ погашеніе долга. Магистратская ул., домъ Сиб. Торг. банка. Агентъ Г. М. Гинзбергъ. 39

ПАССАЖИРСКИЙ ПАРОХОДЪ „БАРНАУЛЬ“ БАРНАУЛЬСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА имѣетъ отправиться съ баржей, срочнымъ, изъ Томска въ Кривошеково (Ново-Николаевскій поселокъ) и Барнаулъ въ четвергъ 28 числа мая мѣсяца, въ 4 часа дня.

Томское Общество взаимнаго страхованія отъ огня извѣщаетъ г.г. домовладѣльцевъ, что лица, застраховавшія свои имущества въ первый годъ существованія Общества, пользуются первыми льготами; застрахованное имущество въ упомянутомъ Обществѣ принимается Общественнымъ Банкомъ въ залогъ.

БЪГА на ипподромѣ 24 мая начало въ 2 ч. дня. П. И. МАКУШИНА въ Томскѣ ПОЛУЧЕНЫ Вновь КНИГИ:

Геодезическія и Фейнберга. Справочная книжка о русскихъ и иностранныхъ курортахъ и способахъ пользованія ими. 95 г. д. 75 к. Зальескій С. И. Сибирскія минеральныя воды и грязь. 1. Озеро Игало. Медико-топографо-химическое изслѣдованіе. 92 г. 1 р. 50 к.

Поступило въ продажу второе дополненное изданіе книги. СПУТНИКЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКА. Уставы о частной золотопромышленности съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ, относящихся къ золотопромышленности.

ТЕЛЕГРАММЫ. (Россійскаго телеграфнаго агентства.) 22 мая (3 іюня).

Петербургъ. Вчера, въ день тезоименитства великаго князя Константина Константиновича, Государь и Государыня Александра Феодоровна прибыли изъ Царскаго села въ Павловскій дворецъ и посѣтили Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

Парижъ. Палата. Большое стеченіе депутатовъ; большое оживленіе. Приступаютъ къ избранію временнаго президента по именованію голосованію; подано голосовъ 562; Дешанель получилъ 282, онъ избранъ противъ Вриссона, получившаго 278.

Палата. Буассе объявляетъ результаты голосованія по выборамъ временнаго президента. Голосовъ 556; пустыхъ листковъ 3, съ именами 553; абсолютное большинство получилъ: Дешанель 277, Вриссонъ 276 (рукоподскапія въ центрѣ слѣва). Дешанель — кандидатъ правительственныхъ республиканцевъ.

Музык.-литературный вечеръ въ память В. Г. Вѣлискаго и Н. А. Некрасова. Начало въ 7 1/2 часовъ вечера. Билеты и программы можно получить, начиная съ 22 мая, ежедневно съ 9 час. утра до 6 час. вечера въ зданіи бесплатной библіотеки.

Проф. В. В. Сапожниковъ, ПО АЛТАЮ. Дневникъ путешествія 1895 г. Съ 40 таблицъ, видовъ и 3 картами. Цѣна 2 рубля. Въ кн. маг. П. И. Макушина.

Въ Томской Городской Управѣ назначены 27 числа сего мая ила торги, на отдачу въ аренду пустопорожняго городского участка, находящагося въ вѣдѣніи 4 полиційскаго участка, по Иркутскому тракту въ кварталѣ № 1, въ колѣсикѣ 250 квадратъ сажень, прясимаго въ отводъ томскихъ мѣщанствомъ Вулфомъ Бахманъ.

Городской ветеринаръ А. П. Лапшинъ извѣщаетъ обывателей, нуждающихся въ ветеринарныхъ совѣтахъ для своихъ животныхъ, что они могутъ обращаться къ нему лично на скотобойню, или оставявъ свои адреса въ Городской Управѣ. На скотобойнѣ — телефонъ.

Мѣсяцесловъ. Воскресенье, 24 мая. Преп. Сумеона. Понедѣльникъ, 25 мая. Муч. Оеропонта.

Петербургъ. Вчера, въ день тезоименитства великаго князя Константина Константиновича, Государь и Государыня Александра Феодоровна прибыли изъ Царскаго села въ Павловскій дворецъ и посѣтили Ихъ Императорскихъ Высочествъ.

Парижъ. Палата. Большое стеченіе депутатовъ; большое оживленіе. Приступаютъ къ избранію временнаго президента по именованію голосованію; подано голосовъ 562; Дешанель получилъ 282, онъ избранъ противъ Вриссона, получившаго 278.

Палата. Буассе объявляетъ результаты голосованія по выборамъ временнаго президента. Голосовъ 556; пустыхъ листковъ 3, съ именами 553; абсолютное большинство получилъ: Дешанель 277, Вриссонъ 276 (рукоподскапія въ центрѣ слѣва). Дешанель — кандидатъ правительственныхъ республиканцевъ.

Музык.-литературный вечеръ въ память В. Г. Вѣлискаго и Н. А. Некрасова. Начало въ 7 1/2 часовъ вечера. Билеты и программы можно получить, начиная съ 22 мая, ежедневно съ 9 час. утра до 6 час. вечера въ зданіи бесплатной библіотеки.

Проф. В. В. Сапожниковъ, ПО АЛТАЮ. Дневникъ путешествія 1895 г. Съ 40 таблицъ, видовъ и 3 картами. Цѣна 2 рубля. Въ кн. маг. П. И. Макушина.

Въ Томской Городской Управѣ назначены 27 числа сего мая ила торги, на отдачу въ аренду пустопорожняго городского участка, находящагося въ вѣдѣніи 4 полиційскаго участка, по Иркутскому тракту въ кварталѣ № 1, въ колѣсикѣ 250 квадратъ сажень, прясимаго въ отводъ томскихъ мѣщанствомъ Вулфомъ Бахманъ.

Городской ветеринаръ А. П. Лапшинъ извѣщаетъ обывателей, нуждающихся въ ветеринарныхъ совѣтахъ для своихъ животныхъ, что они могутъ обращаться къ нему лично на скотобойню, или оставявъ свои адреса въ Городской Управѣ. На скотобойнѣ — телефонъ.

Мѣсяцесловъ. Воскресенье, 24 мая. Преп. Сумеона. Понедѣльникъ, 25 мая. Муч. Оеропонта.

въ томъ суднѣ вспыхнулъ пожаръ. Нѣсколько снарядовъ упали внутри порта, близъ испанскихъ боевыхъ судовъ. Въ Сантъ-Яго большой энтузіазмъ.

Памяти В. Г. Вѣлискаго. 26 мая исполнится 50 лѣтъ со дня смерти В. Г. Вѣлискаго. Знаменитый представитель русской литературы и критика, благородный гражданинъ своего отечества будетъ чествоваться въ этотъ день всей интеллигентной и громадной Россіей, высшимъ интересамъ которой была посвящена вся его долгая и преждевременно порвавшаяся жизнь.

Въ Пензѣ, гдѣ учился Вѣлискій въ гимназій и былъ исключенъ за «нехорошее» въ классъ и неспособность, 26 мая предостоятъ большія празднества. Кромѣ сооруженія монумента изготавляемаго художникомъ Капановымъ въ Парижѣ, и изданія сборника, постановлено устроить въ Пензѣ, гдѣ учился Вѣлискій въ гимназій и былъ исключенъ за «нехорошее» въ классъ и неспособность, 26 мая предостоятъ большія празднества.

Въ Москвѣ, гдѣ Вѣлискій учился въ университетѣ и также исключенъ за неспособность, гдѣ начался его литературная дѣятельность, 8 апрѣля состоялось торжественное и весьма многочисленное собраніе любителей русской словесности, посвященное памяти Васаріона Григорьевича, которое было соединено съ выставкою В. Г. Вѣлискаго въ библіотечной залѣ московскаго университета.

Въ Петербургѣ, гдѣ протекли лучшіе годы плодотворнѣйшей общественно-литературной дѣятельности Вѣлискаго, 10 мая состоялось торжественное собраніе русскихъ писателей, посвященное чествованію В. Г. Вѣлискаго, по случаю исполняющагося 50-лѣтія со дня смерти.

Въ Петербургѣ, гдѣ протекли лучшіе годы плодотворнѣйшей общественно-литературной дѣятельности Вѣлискаго, 10 мая состоялось торжественное собраніе русскихъ писателей, посвященное чествованію В. Г. Вѣлискаго, по случаю исполняющагося 50-лѣтія со дня смерти.

Въ Москвѣ, гдѣ Вѣлискій учился въ университетѣ и также исключенъ за неспособность, гдѣ начался его литературная дѣятельность, 8 апрѣля состоялось торжественное и весьма многочисленное собраніе любителей русской словесности, посвященное памяти Васаріона Григорьевича, которое было соединено съ выставкою В. Г. Вѣлискаго въ библіотечной залѣ московскаго университета.

Въ Москвѣ, гдѣ Вѣлискій учился въ университетѣ и также исключенъ за неспособность, гдѣ начался его литературная дѣятельность, 8 апрѣля состоялось торжественное и весьма многочисленное собраніе любителей русской словесности, посвященное памяти Васаріона Григорьевича, которое было соединено съ выставкою В. Г. Вѣлискаго въ библіотечной залѣ московскаго университета.

Въ Москвѣ, гдѣ Вѣлискій учился въ университетѣ и также исключенъ за неспособность, гдѣ начался его литературная дѣятельность, 8 апрѣля состоялось торжественное и весьма многочисленное собраніе любителей русской словесности, посвященное памяти Васаріона Григорьевича, которое было соединено съ выставкою В. Г. Вѣлискаго въ библіотечной залѣ московскаго университета.

на которомъ присутствовало около 300 русскихъ литераторовъ, ученыхъ и студентовъ, живущихъ въ этомъ мировомъ городѣ. Засѣданіе было посвящено исключительно высшему литературнаго и общественного значенія великаго критика.

Въ заключеніе вечера было прочтано нѣсколько стихотвореній и поставлены живыя картины, представлявшія эпизоды изъ жизни Вѣлискаго.

Кромѣ означенныхъ городовъ, къ празднованію юбилея Вѣлискаго готовятся также и многіе другіе города Россіи, такъ и Сибиря, и нѣтъ сомнѣній, что этотъ знаменательный день будетъ чествоваться всей интеллигентной Россіей, умственному росту и общественному самосознанію которой Вѣлискій посвятилъ всю свою недолгую жизнь.

Изъ этого маленькаго городка Иркут. губ., расположеннаго на островѣ, образованномъ при слияніи р.р. Лены и Киренги, и отстоящаго отъ своей столицы, Иркутска, въ 1000 верстахъ, начинаются раздвѣляясь прямо-таки волна. Такъ, въ «В. Об.» пишутъ: съ самаго Рождества у насъ не прекращаются дѣтскія болѣзни.

Въ Москвѣ, гдѣ Вѣлискій учился въ университетѣ и также исключенъ за неспособность, гдѣ начался его литературная дѣятельность, 8 апрѣля состоялось торжественное и весьма многочисленное собраніе любителей русской словесности, посвященное памяти Васаріона Григорьевича, которое было соединено съ выставкою В. Г. Вѣлискаго въ библіотечной залѣ московскаго университета.

Въ Москвѣ, гдѣ Вѣлискій учился въ университетѣ и также исключенъ за неспособность, гдѣ начался его литературная дѣятельность, 8 апрѣля состоялось торжественное и весьма многочисленное собраніе любителей русской словесности, посвященное памяти Васаріона Григорьевича, которое было соединено съ выставкою В. Г. Вѣлискаго въ библіотечной залѣ московскаго университета.

Въ Москвѣ, гдѣ Вѣлискій учился въ университетѣ и также исключенъ за неспособность, гдѣ начался его литературная дѣятельность, 8 апрѣля состоялось торжественное и весьма многочисленное собраніе любителей русской словесности, посвященное памяти Васаріона Григорьевича, которое было соединено съ выставкою В. Г. Вѣлискаго въ библіотечной залѣ московскаго университета.

Въ Москвѣ, гдѣ Вѣлискій учился въ университетѣ и также исключенъ за неспособность, гдѣ начался его литературная дѣятельность, 8 апрѣля состоялось торжественное и весьма многочисленное собраніе любителей русской словесности, посвященное памяти Васаріона Григорьевича, которое было соединено съ выставкою В. Г. Вѣлискаго въ библіотечной залѣ московскаго университета.

Въ Москвѣ, гдѣ Вѣлискій учился въ университетѣ и также исключенъ за неспособность, гдѣ начался его литературная дѣятельность, 8 апрѣля состоялось торжественное и весьма многочисленное собраніе любителей русской словесности, посвященное памяти Васаріона Григорьевича, которое было соединено съ выставкою В. Г. Вѣлискаго въ библіотечной залѣ московскаго университета.

почти не выкупил, что работать приходится в тоже время в осаде от миллиардов мошек, комаров и прочего «гнуса», дорог не существует, а потому, кроме только самой необходимой провизии да инструментов брать с собою ничего не приходится; провинция, благодаря отсутствию по близости жилищ селений, достать крайне трудно и т. д. На этих днях экспедиция выжидает къ месту работ, откуда вернется лишь поздней осенью. При каждом из членов экспедиции прикомандировано, кроме денщика, по девять человек нижних воинских чинов. (В. Високий).

Олеинский. Якут. обл. (Нумизматическая находка в немальских рудниках). Летом прошлого года рабочий Конышев, копан яму во дворе купца Севастьянова, выкопал два туза монеты: один из них заключает в себя медные монеты различной величины, а другой—серебряный, четырехугольной формы и круглая с отверстиями, изображая изображение Георгия Победоносца. Между монетами нашлось много Петровских и Екатеринских, серебряных почти все отосланы къ периоду Юна Грозного. Находка эта была продана мѣстным кузнецам, которыми и обращена в подьяки. Сообщая подобное известие, корр. «В. Об.», съ сожалѣніем, не упоминает, что было бы весьма интересно) откуда же эта находка стала известна.

Тюмень. (Сообщение по поводу усиленного движения хлебных и других грузов по П. Т. жел. дор. из Тюмени во время навигации, для чего и были ими приглашены пароходо-владельцы и их доверенные и прочие грузоотправители. Некоторые важные вопросы, въ особенности въ подѣл вагонов, были вырешены въ благоприятномъ смыслѣ для той и другой стороны; начальникъ движенія выразился, что онъ будетъ въми силами стараться удовлетворить просьбы грузоотправителей. Для окончательнаго вырешенія невырешенныхъ вопросовъ начальникъ движенія изложилъ согласіе прѣхать еще разъ въ Тюмень 25 числа и попросилъ къ этому времени всѣхъ лицъ заинтересованныхъ этимъ дѣломъ имѣть болѣе точныя свѣдѣнія для отправки груза, пригласивъ для участія въ собраніи и представителей транспортныхъ конторъ.

(Къ изслѣдованію Чернаго Иртыша). Пароходъ «Насѣдникъ» г. Разумовскаго, по сообщенію „С. Т. Г.“, имѣвшей навигатію пойдеть въ Черный Иртышъ для производства изысканія пути и снятія фотографическихъ видовъ.

Льгота маслодѣламъ. Въ цѣляхъ содѣйствія быстро развивающемуся сибирскому маслодѣлію, министерство земледѣлія удовлетворило ходатайство тобольскаго общества сельскаго хозяйства относительно перевода платы на подучателя за провозъ сибирскаго масла.

Открытие базара. «Том. Губ. Вид.» сообщаютъ, что вслѣдствіе ходатайства Вознесенскаго сельскаго общества, Покровской волости, Варнаулскаго округа, и согласно постановленію общаго присутствія губернскаго управленія, состоявшемуся 27 января 1898 г. разрѣшено открытіе въ селѣ Вознесенскомъ двухдневнаго базара, по понедѣльникамъ и вторникамъ.

Корреспонденціи.

Минусинскъ, 6 мая. (Состояніе погоды, открытіе навигаціи и расширеніе паро-

ходства по Енисею, городская управа на скамьяхъ подосудимыхъ, постельные къ исторіи съ врачами, къ этопетъ и. Витца, отставка смотрителя больницы, открытіе типографіи). Почти весь прошлый годъ и текущій погода у насъ стоятъ на столько несуразная, что названіе Сибирской Италіи, намъ присвоенное, превратилось въ ядовитую насмѣшку. Судите сами. Вся зима была довольно теплой, даже январь температура ниже 10° почти не опускалась, но въ полдень часто поднималась выше нуля, дороги испортились, съ кришъ каналы; весь же февраль былъ холодный и морозы уорно держались на 20—27°; въ это же время выпало много снѣгу и испортившіяся въ январѣ дороги восстановились. Въ февралѣ мы привикали къ тому, чтобы ѣздить на колесахъ, нечи проталкивать слегка и тяжелая шуба убирать въ кладовыя, а тутъ вышло такъ, что снѣгъ остался безъ подложнаго корда и истощилъ сдѣланные запасы сѣна, да и на дорогахъ обыватель потерялъ существенный ущербъ. Теперь уже первая половина мая, а у насъ температура колеблется на 6—7 градусахъ, то на 10—12. Вслѣдствіе этого вода въ Енисей мала и пароходы къ намъ попасть не могутъ. Первый пароходъ, самый маленький и самый несчастливый «Красноардецъ» добрался только до Сорочкиной (прислать ниже Минусинскъ 75 верстѣ) и 5 мая ушелъ обратно въ Красноярскъ. Отсутствіе тепла вызываетъ опасенія очень большой воды, такъ какъ снѣгу въ тайгѣ много и при наступленіи тепла вдругъ масса воды хлынетъ по рѣчкамъ къ Енисею и будетъ причиною наводненія. Наибѣйшій годъ обѣщаютъ улучшеніе пароходства по Енисею; на сцену является новая компанія енисейскихъ капиталистовъ, купившихъ два парохода въ Англіи и старый пароходъ у Сибирякова; кроме того Гадаловъ привезъ въ Красноярскъ части новаго парохода, который обѣщаютъ собрать къ июню, и Черепановъ предполагаетъ поставить еще одинъ небольшой пароходъ, который будетъ ходить верстѣ на 80 выше Минусинска; обѣщаютъ пустить всего 9 пароходовъ. Было бы желательно только, чтобы съ улучшеніемъ пароходовъ, устройствомъ на нихъ электрическаго освѣщенія и т. п. радикально измѣнились и порядки, практиковавшіеся до сего времени пароходчиками, безцеремонно полагавшими, что не они для публики существуютъ, а публика для ихъ благополучія. Особенно это должно намотать себѣ на усъ Федотъ Японскій.

Многіе въ Минусинскѣ съ тревогой ожидаютъ предстоящую сессію окружнаго суда, рассмотрѣнію котораго, въ числѣ другихъ дѣлъ, подлежащихъ дѣло о цѣломъ рядѣ злоупотребленій въ нашей городской управѣ. Съ давняго времени въ сѣбѣхъ этого учрежденія практиковалось взяточничество и вымогательство съ лицъ выбирающихъ документы, и даже подлоги. Особенно безцеремонно обходились енисейскіе дѣльцы съ прѣзвителемъ изъ округа; если эти не платили въ назначенномъ размѣрѣ взятку, ихъ держали въ городѣ по нѣскольку дней, подъ предлогомъ, что въѣтъ времени выдать документъ точно; тѣ проживали, расходовались, съ ужасомъ видѣли, что наступаетъ новый годъ, для котораго старые документы не действительны и... назначенную контрибуцію платили. Произведеннымъ слѣдствіемъ факты этого рода установлены настолько твердо и документально, что Омеида безъ колебаній можетъ произвести свой приговоръ. Къ отвѣтственности привлечены секретарь Чер—въ, дѣлопроизводители Без—въ, М—въ, Д—въ, бывшіе члены управы У—въ, Скоб—въ, Ш—въ и друг.; всѣ они подлежатъ предварительному тюремному заключенію, но почти всѣ наши поручатели или внесли залого и пока пользуются свободой; изъ одного изъ нихъ, впрочемъ, поручителя, по-

соришійся съ нимъ—отказался и М—ва заключая въ темницу, гдѣ онъ просидѣлъ слѣдующіе недѣлю, пока не нашелся новый поручитель и не вѣзъ дѣлягу оттуда. Весьма интересный, можно сказать, классическій отвѣтъ далъ слѣдователю бывший членъ управы С—въ. На вопросъ, почему онъ допускалъ подобнаго злоупотребленія,—«по заведенному порядку», отвѣчалъ онъ. Этотъ господинъ наиболѣе стойко охранялъ заведенный порядокъ и далъ не мало поучительныхъ примѣровъ своего отношенія къ городскимъ интересамъ. У многихъ на памяти составленіе этимъ господиномъ дутаго счета по расходамъ на ремонтъ театра, которыхъ сметамъ не производилось; у многихъ на памяти... не представимъ лучше г. слѣдователю напомнить объ всемъ этомъ.»

Исторія съ нашими врачами, кажется, окончилась. И я могу ее закончить, какъ иные романисты заканчиваютъ свои романы т. е. рассказавъ на сотняхъ страницъ какую нибудь недѣлю изъ жизни своихъ героев, она на одной страницѣ излагаютъ событія изъ ихъ жизни за нѣсколько дѣтъ. Товарищъ прокурора Іевреичевъ переведенъ въ отпускъ въ г. Троицкѣ, Оренбургской губ.; получившему отставку врачу Козлову намелась замѣститель въ лицѣ г. Михельсона; врачъ Фридрихъ на свою жалобу г. генералъ-губернатору получилъ увѣдомленіе, что она оставлена безъ послѣдствій, такъ какъ «самовольнымъ выходомъ въ отпускъ онъ предрѣшилъ событія; врачъ Николаевскій очень доволенъ собой и своимъ положеніемъ; дѣло тюремнаго смотрителя будетъ рассмотрѣно ближайшей сессіей окружнаго суда; врачебный инспекторъ на этихъ дняхъ собирается выступить на защиту обиженныхъ врачей sic transit gloria mundi!

Къ сообщенію нашего корреспондента о г. Витцѣ и транспортной конторѣ средне-сибирской жел. дороги необходимо сдѣлать поправки. Накопившіяся за конторой деньги въ суммѣ 5800 р. въ казначейство совѣсьмѣ не вносились и продолжались, вопреки увѣреніямъ железнодорожныхъ ревизоровъ, числиться долгомъ за конторой. Вопреки увѣреніямъ тѣхъ же ревизоровъ насчетъ необыкновенной дѣловитости г. Витца и влищившихъ пріязней и нареканій на него со стороны публики, можемъ увѣрить гг. ревизоровъ, что они недостаточно внимательно отнеслись къ своимъ обязанностямъ. Податный инспекторъ Цитовичъ, имѣвшій неосторожность черезъ Витца выписать свои вещи и улизнуть ему за доставку ихъ болѣе 400 р., вещей не получилъ, деньги потерялъ и вынужденъ былъ передать свой грузъ другой транспортной конторѣ, заплативъ за это второй разъ деньги. Инженеръ Младзевскій за то что такое же довѣріе къ г. Витцѣ также полатился карманомъ; г. Ржищевскій и теперь не получилъ ни денегъ, ни выписаннаго черезъ г. Витца роля. Гдѣ теперь Витцъ—неизвѣстно; ревизора узнали его съ собой въ Томскѣ и, вѣроятно, до сихъ поръ ревизуютъ. Зная языки говорятъ, что ревизоры были поставлены въ необходимость замѣть неприятную исторію опыта транспортной операціи средне-сибирской желѣзной дороги, а также говорятъ, что и Витца оказался порядочная связка соболей, не поповскимъ какъ-то чудомъ въ описъ. Говорятъ тоже, что когда поспался на г. Витца жалоба на неосторожное его обращеніе съ чужими деньгами, и появились протестованные носелки, то вдругъ на сцену явились выданные Витцемъ въ вексель разныхъ личностей, у которыхъ неизвестно откуда могли появиться такіе деньги, какъ напримеръ, у нѣкоего дворянина, служившаго въ конторѣ Витца. Но мы и объ этомъ предоставляемъ подробный рассказъ г. слѣдователю; говорятъ также, что продолжать начатое Витцемъ въ Минусинскѣ дѣло поручено другому лицу, а г. Витцѣ командированъ куда то для открытія новой конторы.

На этихъ дняхъ минусинцы были обезкуражены отставкой смотрителя больницы Назаретскаго, пользовавшагося безукоризненной репутатіей, установившейся за его долгую службу; отставка эта невольная, вызвана неурядицами съ новымъ исправникомъ, тоже хорошимъ человекомъ, но любящимъ всѣхъ стричь подъ гребенку. Какъ интересную новость слѣдуетъ отнѣтитъ открытіе въ Минусинскѣ В. И. Каркаровымъ новой типографіи, довольно хорошо оборудованной, судя по появившимся работамъ.

На этихъ дняхъ минусинцы были обезкуражены отставкой смотрителя больницы Назаретскаго, пользовавшагося безукоризненной репутатіей, установившейся за его долгую службу; отставка эта невольная, вызвана неурядицами съ новымъ исправникомъ, тоже хорошимъ человекомъ, но любящимъ всѣхъ стричь подъ гребенку. Какъ интересную новость слѣдуетъ отнѣтитъ открытіе въ Минусинскѣ В. И. Каркаровымъ новой типографіи, довольно хорошо оборудованной, судя по появившимся работамъ.

Лебедянна, сужденскій вол. Въ Лебедянкѣ находится каменнотопильныя копи, разрабатываемая г. Михельсономъ, на которыхъ работаетъ масса рабочихъ. Расчетъ рабочихъ на копи производился чрезъ подрядчика, нѣкое Паусюкова и все на копи шло хорошо, какъ вдругъ, на дняхъ, въ первый числѣ мая м-ца, масса рабочихъ (около 100 ч.), покинувъ работу, направилась къ конторѣ. Поднялся невообразимый гвалтъ. Испуганная администрація съ трудомъ могла разобраться въ этомъ хаосѣ голосовъ и узнать въ чемъ дѣло. Открылся очень некрасивая предѣлка подрядчика Паусюкова, встали сказать, оказавшагося впоследствии Пастуховымъ.

Подрядчикъ, оказалось, уже 2 мѣсяца не платилъ сполна жалованья рабочимъ, а получивъ его изъ конторы, употреблялъ на собственные нужды. Паусюковъ-Пастуховъ былъ, конечно, арестованъ, и рабочіе по возможности удовлетворены.

Томская хроника.

Торжественное богослуженіе. 25-го мая въ день Св. Духа и рожденія Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Александры Оеодоровны, въ домовоі архіерейской церкви ево преосвященствомъ епископомъ Макаріемъ будетъ совершена божественная литургия, послѣ которой отслужено будетъ молебеніе о здравіи и долголетіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и всего Августѣйшаго дома.

Чествованіе памяти В. Г. Бѣлинскаго и Н. А. Некрасова. Напоминаемъ нашимъ читателямъ, что во вторникъ 26 мая въ 7½ ч. въ залѣ бесплатной библиотеки состоится вечеръ памяти В. Г. Бѣлинскаго и Н. А. Некрасова. Выдты можно считать ежедневно съ 9 час. утра до 6 час. вечера въ помѣщеніи бесплатной народной библиотеки. Тамъ же съ понедѣльника 25 мая будетъ продаваться брошюра составленная преподавателемъ томской женской гимназіи Н. В. Ворзовымъ „Бѣлинскій и его идеалы“.

Упраздненіе древняго города Даямъ исто слѣдующему письму, которое до извѣстной степени можетъ свидѣтельствовать, что наши почтово-телеграфные чиновники бываютъ не всегда осѣдлыми въ положеніяхъ станцій телеграфной сѣти, отчего происходятъ неприятыя недоразумѣнія.

«На дняхъ мнѣ понадобилось отправить телеграмму въ г. Ахтырку, харьк. губ. Нужно сказать, что этотъ городъ основанъ чуть ли не при кіевскихъ великихъ князяхъ, имѣетъ около 30 т. жителей, телеграфная станція въ немъ существуетъ чуть ли не 50 лѣтъ, но не смотря на это въ Томской почт. телегр. конторѣ мнѣ объявили, что такой станціи правительственнаго телеграфа нѣтъ, что-будто-бы она была раньше, но затѣмъ переименована въ Кириковку. При чемъ для болѣе убѣдительности чиновникъ показалъ списокъ телеграфныхъ станцій,—въ которомъ дѣйствительно чернилами зачеркнуто „Ахтыр-

ка харьк. губ.“ и подписано „Кириковка“, но за то рядомъ же значится станція Ахтырка, Харьково Николаевской дороги. Такимъ образомъ получается, что городъ Ахтырка переименованъ въ Кириковку, а желѣзнодорожная станція при немъ почему то сохранила свое старое имя.

Дого пришлось мнѣ убѣждать прѣсидента телеграфа, что это недоразумѣніе, т. к. гор. Ахтырка никогда въ Кириковку не переименовывалась и наконецъ, съ цифрами въ рукахъ, пришло пояснять, что на сѣверъ отъ города Ахтырки, на разстояніи 19 верстѣ, была проведена линія желѣзной дороги. Вликаяшая къ городу станція, отстоявшая въ 19 верстахъ отъ него, была названа его именемъ. Но затѣмъ, въ 1895 или 1896 годахъ, въ виду торговаго промышленнаго значенія гор. Ахтырки къ нему отъ сказанной одноименной станціи жел. дор. была проведена девятнадцативерстовая вѣтка, при чемъ оконечная станція ея почти въ самомъ городѣ названа его именемъ, а прежняя «Ахтырка Харьково Никол. жел. д.» переименована въ Кириковку по имени расположеннаго вблизи села Кириковки.

Лѣсная межевая партія. Въ началѣ іюня мѣсяца въ Каинскій округъ командируется мѣстнымъ лѣснымъ вѣдомствомъ межевая партія, состоящая изъ 2-хъ таксаторовъ и 6-ти межевщиковъ для выясненія доходности казенныхъ лѣсовъ по верхояльскъ рѣки Тартаса. Съ этой цѣлью лѣса эти будутъ разбиваться на «квартиры» величиной въ 64 кв. версты. Партія эта пробудетъ на мѣстѣ работъ до осени.

Въ концѣ іюня мѣсяца ожидается прібытіе въ Томскъ нач. главн. тюремн. управленія г. Соловьевъ, которому, по слухамъ, предстоитъ окончательное вырѣшить вопросъ о закрытіи дѣйвией пересыльной тюрьмы. Есть также слухъ, что къ г. нач. главн. тюремнаго управленія администрація, вѣдающая дѣлами общ. призр., намѣрена обратиться съ ходатайствомъ объ уступкѣ зданій пересыльной тюрьмы для размѣщенія въ нихъ больныхъ, нынѣ прізрѣваемыхъ въ городской больницѣ.

Въ виду увеличенія штата, лѣсному вѣдомству требуется, какъ мы слышали, большое количество соответствующихъ служащихъ.

22 мая насоръ около 7 вѣч., какъ намъ передавали, въ одномъ здѣшемъ учрежденіи, въ теченіи получаса не могли «вызвать» телефонную станцію и на всѣ вызовы отвѣчали изъ городской управы. Нельзя ли быть внимательнѣе?

Томскіе паринахеры, какъ мы слышали, припили къ соглашенію во воскресный деньъ закрывать свои заведенія съ 12 ч. дня. Отнѣмъ такое явленіе, мы не можемъ непорочно вѣрять за паринахерскихъ подмастерьевъ, могущихъ располагать хотя маленькимъ праздничнымъ отдыхомъ и за ихъ хозяевъ, которые, очевидно, помнятъ тяжелую школу, пройденную каждымъ изъ нихъ въ качествѣ подмастерья.

Не интересная ли находка? 22 мая въ архіерейскомъ саду, рядомъ съ второклассной школой, близъ обрыва съ Юрточкой горы вырытъ скелетъ человѣка. Скелетъ найденъ въ сидячемъ положеніи на глубинѣ около 3 четвертей, сверху покрыватъ доской, образующей при погахъ острый уголъ. Кости, желтаго цвѣта, сохранились довольно хорошо. По строенію черепа можно полагать, что человѣкъ принадлежалъ къ монгольскому племени. Не будетъ ли находка эта для кого интересной, какъ одинъ изъ матеріаловъ къ исторіи г. Томска?

БРАКОНЬЕРЪ.

(Съ французскаго).

Браконьеръ Ведель былъ бѣдный, гордый человѣкъ. Названіе браконьера онъ получилъ за удачный выстрѣлъ по лосю, который однажды попался ему въ тѣсныхъ трубахъ. Эта охота сдѣлала Веделя очень популярнымъ въ окрестности, потому что вслѣдствіе охоты кругомъ были строжайше воспрещены. Крестьянамъ было оставлено лишь право стрѣлять куропатокъ и зайцевъ, да и то на тропинкахъ, вблизи опушки лѣсовъ.

Одинъ только Ведель обращалъ мало вниманія на стражниковъ и запрещенія. Онъ говорилъ, что жаворонку законы не писаны: онъ находить себѣ пищу вездѣ, гдѣ она есть... Охотникъ—свободный человѣкъ и надъ нимъ не можетъ быть господина.

Такъ разсуждалъ Ведель. Однажды утромъ, собирая растенія, я столкнулся въ лѣсу съ этимъ оригинальнымъ человѣкомъ. Мы пошли вмѣстѣ по узенькой тропинкѣ, протоптанной охотниками и разговорились. Гордый, прямой Ведель меня очень заинтересовалъ. Онъ болталъ откровенно и не принужденно, видя во мнѣ хорошаго друга.

— Всю эту страну,—говорилъ онъ мнѣ, показывая на лѣсъ и горы,—всѣ эти дуга, лѣса и берега наши отцы обогатили своимъ потомъ и кровью. Они оплодотворили ее... Съ разбитой грудью и сломаннымъ позвоночникомъ, они умирали за работой. Тихо спать они теперь, отдыхая въ безплодной, песчаной землѣ. Они умерли... Но... живы ихъ дѣти, которая шагаютъ за плутомъ. Они съютъ хлѣбъ и когда онъ поспѣетъ, жнутъ его; срываютъ сѣяныя грозда винограда... Когда вырастетъ дерево—они обрубаютъ его вѣтви... И вотъ—ахъ какъ это грустно—все то, что мы беремъ отъ земли,—сейчасъ же съ негодованіемъ отдаемъ въ городъ, гдѣ чуждые намъ люди съ презрѣніемъ расточаютъ богатства, добытыя нашими трудами изъ sweoperальной упрямой земли. Но эта земля—наше истинное отечество и изъ него то мы пользуемся наихудшими плодами. Она истощается для тѣхъ, которые не имѣютъ понятія о трудѣ въ потъ лица и идуть въ наши деревенскія поля и лѣса лишь для того, чтобы поохотиться...

думываясь. Слѣдствіе заставляла его презирать всякую опасность. Я зналъ, что этотъ лѣсной пустынникъ пріидетъ вечеромъ въ деревню, приласкаетъ дѣтей, пошутитъ у колодца съ молодухами и нѣсколько разъ остановится на улицѣ, чтобы выгнать что нибудъ изъ своей рабой сумы для нищаго... Этотъ матежный человѣкъ утѣшалъ бѣдняковъ и помогалъ имъ по мѣрѣ силъ; какъ нѣжная любящая женщина онъ ухаживалъ за больными. Умирающіе, прежде чѣмъ пригласить священника, посылали за Веделемъ. Онъ всоду былъ мягокъ. Но... только не могъ согнуться подъ тяжестью разныхъ предписаній и запрещеній... Онъ былъ выше тѣхъ и другихъ.

Однако, мнѣ приходило сказать, что Ведель попался... Прѣзрѣваемый стражниками онъ былъ раненъ въ плечо выстрѣломъ.

«Кабаки, окруженный собаками, бѣжить отъ нихъ, но, когда его схватятъ, онъ бросается на нихъ и защищаетъ», припомнились мнѣ слова Веделя. Дѣйствительно этотъ мягокъ человѣкъ бросился на стражника и какъ кабакъ въ лѣсу взорвалъ его ногтями и зубами, а вечеромъ съ израненными руками возвратился въ деревню.

Его арестовали... Я пожелалъ присутствовать при очной ставкѣ его съ противникомъ.

На поставленные вопросы Ведель отвѣчалъ мягко, спокойно, утверждая, что онъ имѣетъ неотъемлемое право свободно охотиться на запрещенныхъ земляхъ, потому что у дичи нѣтъ хозяина.

За это стражники съ презрѣніемъ называли его тунядцемъ и лѣснымъ бродягой, который изъ за лѣни промѣнялъ сериъ и заступъ на жизнь лѣсного бродяги.

Ведель спокойно взглянулъ на стражника и гордо сказалъ: — А ты?... Ты живешь, какъ сторожевая собака. На землѣ, обработанной руками моихъ и твоихъ отцовъ—я браконьерствую вмѣсто того, чтобы сибиться въ дуру. А ты не работашь... ты, какъ собака, служишь за овсанку своему господину и, какъ измѣнникъ, охотиться за людьми!..

Затѣмъ, скрестивъ на груди руки, онъ заявилъ слѣдователю, что болѣе ничего не можетъ сказать въ свою защиту и даже на судѣ будетъ молчать.

А. Стенной.

Мудрость Тита Титыча.

Въ какой странѣ угадывай,
Въ какомъ году высчитывай...

Въ одинъ прекрасный день, промчавшіяся недавно въ вѣчность, купецъ 1-й гильдіи Титъ Титычъ Смирныхъ призывалъ къ себѣ одного изъ мѣстныхъ Сахаръ Сахарычей. Одинъ говоритъ, что его степенство приближеніе кочичи почувствовали, другіе, что ликвидировать дѣло хотѣтъ, третій утверждали, что Титъ Титычъ по банкротской части печаловаться сталъ и хотѣтъ дополнить знать, что и какъ въ сѣхъ печалыхъ по закону и разуму дѣлать надлежитъ.

У насъ, въ городѣ, какъ примется болтать, такъ просто хоть уши зажимай: истины никто тобѣ не скажетъ.

Не добился я истины и на сей разъ по дѣлу о посѣщени Тита Титыча Сахаръ Сахарычемъ, но знаю доподлинно, что посѣщеніе это было...

Теперь Сахары Сахаровичи не то, что было раньше. Теперь это не бумажные крочетоворы и ничего общаго съ подъячимъ Живулей не имѣютъ. Голосовыя средства у нихъ прекрасно развиты, вѣсто чернилъ они льютъ потоки словъ и фразъ, вмѣсто красныхъ платочковъ носятъ Мортфели и за хлопоты свои ужъ не берутъ чаевъ, сахаромъ и водкой, но получаютъ подумиеріалами и серебромъ...

Титъ Титычъ только мало еще цивилизовался, все еще отъ него постыкъ масложъ и тухлой рыбой пахнетъ, и все еще онъ очень не твердо закона знаетъ...

— А ну-ка, Сахаръ Сахарычъ, смени, вотъ тутъ у меня росинское и вексель на сколько то тысячъ будетъ, а еще не смель.

Можно по этимъ документамъ деньги взыскать, али вѣтъ? спрашиваетъ Титъ Титычъ, принявъ изъ рукъ супруги цѣлую связку дѣловыхъ бумагъ.

— Опять изъ кассы 50 руб. свиснулъ, говоритъ Титъ Титычъ. И это какій вечеръ. Вѣдь во офанжнъ расходамъ никакихъ капиталовъ не хватитъ.

Супруга сочувственно дакаетъ. — А ежели его, прѣзиро, выпоротъ, какъ нашего брата пороти, а? предлагаетъ крутую шкуру Титъ Титычъ.

Супруга отговариваетъ: — Не можете вытѣмъ, Титъ Титычъ, дитю только наведете, а проку не будетъ, да и конфузъ...

— Такъ я его болше до кассы не допущу, рѣшаеъ Титъ Титычъ въ сотый разъ относительно своего невутнаго сына и въ сотый же разъ не исполняетъ этого рѣшенія, въ глубинѣ души думая:

— Пусть ужъ лучше свой тынетъ, чѣмъ чужой песь будетъ жон денешка мотать...

— Ну, что, Сахаръ Сахарычъ? — А что, рассмотрѣть-то я рассмотрѣлъ, да толку мало: тутъ такіа давности прошли, что ничего не подѣлаешь. Итъ, Титъ Титычъ, эти документа теперь безцѣнные...

Титъ Титычъ нахмурился. «Столько денегъ пропало?» — А ты не врешь?

Адвокатъ побижился, а Титъ Титычъ еще крѣче задумался.

«Планили денежки, плакали... И на кой дѣлять эти давности заветы? Ну, какая мнѣ, прѣзиро, эти вихъ польза? Изъявъ одинъ, раззореніе... Такъ вѣтъ же, законилъ громко свои думы Титъ Титычъ и съ отчаяніемъ, но твердо произнесъ:

— Такъ я эти векселя жертвую въ пользу голодающихъ, все лучше, чѣмъ даромъ они въ мою пещѣ сгорятъ».

Сахаръ Сахарычъ превратился въ вопросительный знакъ, а на устахъ дрожавшей половымъ его степенства казалась застыла междометія:

— Что ты, Титъ Титычъ, въ умѣ-ли... Какіе тамъ еще голодающе?

Такого мудраго рѣшенія не ожидали отъ Тита Титыча ни супруга его, ни адвокатъ—Сахаръ Сахарычъ.

Сибирянкъ.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

ЗИНГЕРЪ

для домашняго употребленія, художественной вышивки и промышленных цѣлей. ВСЯКАГО РОДА

Болѣе 14 миллионъ изготовлено и продано.

Швейныя машины Зингеръ получили всемирную известность благодаря превосходному качеству и громадной производительности, которыми издавна отличались все фабрики Компаніи Зингеръ въ Нью-Йоркѣ.

Швейныя машины Зингеръ имѣютъ на рукавѣ помѣщенное выше фабричное клеймо, а также золотымъ отгискою полную фирму The Singer Manufacturing Co, и продаются исключительно въ нашихъ собственныхъ магазинахъ.

Бесплатное обученіе такнѣ и модной художественной вышивкѣ.

Высочайше утвержденная **МАНУФАКТУРНАЯ КОМПАНИЯ ЗИНГЕРЪ.**

Екатеринбургъ, Коковинская ул., д. № 18.

Собственные магазины:

- ЕКАТЕРИНБУРГЪ: Успенск. ул., д. Дмириевыхъ.
 - ПЕРМЬ: Сибирская ул., домъ Аксенова.
 - НИЖНЕ-ТАГИЛЬ: Александр. ул., д. Сединанова.
 - ТЮМЕНЬ: Царская ул., д. Бабушкина.
 - ТОБОЛЬСКЪ: Рождественская ул., д. Ершова.
 - ВЪ ЯРМАРКАХЪ: Ирбитской, пассажъ № 16, Крестовской, соб. лавка. Ишимской, Нуяндиской, Петропавловской, Атбасарской, Амолонской и проч.
- АГЕНТЫ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, болшихъ заводахъ и селеніяхъ на Уралѣ, въ Западной Сибири, степныхъ областяхъ и Енисейской губерніи.

Отъ Государственнаго Банка.

Окончаніе добровольнаго обмѣна на государственную 4% ренту облигацій 4% внутреннихъ займовъ 1-го (1887 г.), 2-го, 3-го и 4-го (1891 г.) и 4% облигацій, выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ, б. Главнаго Общества Россійскихъ жел. дор. (Николаевской 1893 г.), Либаво-Роменской, Оренбургской, Рязско-Моршанской, Тамбово-Козловской и Юго-Западныхъ ж. д.

На основаніи распоряженія Г. Министра Финансовъ, послѣдовавшаго во исполненіе Именныхъ ВВ. СОЧАЙШИХЪ указовъ 24 Марта 1895 г. и 3 Мая 1896 г., Государственный Банкъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что вышеозначенный послѣдній добровольный обмѣнъ будетъ производиться на нижеслѣдующихъ основаніяхъ.

Заявленія принимаются съ 16 Марта по 15 Юня с. г. включительно во всѣхъ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, а равно въ Казначействахъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Государственнаго Банка, причѣмъ все заявленія объ обмѣнѣ, сдѣланныя въ теченіе указанного выше трехмѣсячнаго срока, будутъ удовлетворены сполна.

Къ обмѣну принимаются только 4% облигаціи, не вышедшія въ тиражъ погашенія до времени представленія ихъ къ обмѣну.

Рента выдается рубль за рубль нарицательнаго капитала обмѣниваемыхъ облигацій, но при этомъ съ владѣльцевъ 4% облигацій вышепоименованныхъ желѣзныхъ дорогъ будетъ удерживаемо по 50 коп. на каждыя 100 руб. нарицательнаго капитала обмѣниваемыхъ облигацій.

Теченіе процентовъ по предназначенной для выдачи по обмѣну государственной 4% рентѣ начинается съ 1 Марта сего 1898 г., такъ что первый купонъ при рентѣ будетъ на срокъ 1 Юня 1898 г., соотвѣтственно сему вмѣстѣ съ 4% рентою владѣльцамъ обмѣниваемыхъ облигацій будутъ выданы и нарощеніе по нимъ по 1 Марта проценты, съ удержаніемъ изъ оныхъ при конверсіи желѣзнодорожныхъ облигацій вышеуказанной приплаты по 50 к. на 100 р. нарицательныхъ.

Заявляемыя къ обмѣну на 4% ренту 4% облигаціи должны имѣть все купоны, срокъ коимъ наступаетъ послѣ 1 Марта 1898 года. Стоимость недостающихъ купоновъ при обмѣниваемыхъ 4% облигаціяхъ за вычетомъ 5% налога должна быть вносима владѣльцами облигацій наличными деньгами.

Заявленія объ обмѣнѣ могутъ быть подаваемы, какъ съ представленіемъ предназначенныхъ къ обмѣну облигацій, такъ равно и безъ представленія таковыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ долженъ быть внесенъ залогъ въ размѣрѣ 2 рублей за каждыя 100 руб. нарицательнаго капитала, съ обязательствомъ представить облигаціи не позже 15-го Юня 1898 года, подъ опасеніемъ утраты залога.

Заявленія объ обмѣнѣ указанныхъ выше 4% облигацій, находящихся во складахъ на храненіи или въ залогѣ въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, могутъ быть сопровождаемы вкладными и залоговыми росписками сихъ учрежденій и во всякомъ случаѣ должны заключать точное указаніе номеровъ таковыхъ росписокъ. Замѣна сихъ росписокъ новыми будетъ производиться безъ какихъ либо расходовъ для владѣльцевъ 4% облигацій.

Заявленія объ обмѣнѣ именныхъ облигацій 4% внутреннихъ займовъ, а равно таковыхъ же облигацій, заключающихся въ выданныхъ Государственною Коммиссіею Погашенія Долговъ удостовѣреніяхъ именной записи, должны быть подаваемы отдѣльно отъ заявленій объ обмѣнѣ предъявительскихъ облигацій.

Обмѣнъ 4% облигацій производится непосредственно на подлинную ренту, безъ выдачи временныхъ свидѣтельствъ. Расчетъ по заявленіямъ, поданнымъ съ представленіемъ облигацій, выданныхъ на предъявителя, для обмѣна на предъявительскія же ренты, производится въ С.-Петербургской, Московской, Варшавской, Кіевской, Одесской, Рижской и Харьковской Конторахъ Банка, по возможности, въ тотъ-же день, въ порядкѣ поступления сихъ заявленій; при невозможности же произвести выдачу ренты и доплаты въ тотъ же день, вѣдѣтвие значительности представленной при одномъ заявленіи партіи или неимѣнія свидѣтельствъ ренты требуемыхъ достоинствъ, будутъ выдаваемы особыя именныя квитанціи, безъ права передачи. Въ прочихъ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и Казначействахъ выдача ренты и доплаты будетъ производиться по полученіи ренты изъ С. Петербургской Конторы, при приѣмѣ же заявленій владѣльцамъ обмѣниваемыхъ облигацій будутъ выдаваемы именныя квитанціи безъ права передачи.

Подробности расчета по обмѣну каждаго рода 4% облигацій помѣщены въ приведенной ниже сего таблицѣ:

Наименованіе займовъ.	Срокъ купоновъ, кои должны быть при облигаціяхъ.	Время, за которое выплачиваются проценты.	Сумма выплачиваемыхъ процентовъ на 100 р. нариц. капитала.	Удержаніе.	Подлежаще выдать.
4% вн. з. 1 вып. 1887 г.	1 Апрель 1898 г.	съ 1 Окт. 1897 г. по 1 Марта 1898 г.	1 р. 58 ¹ / ₂ к.	—	1 р. 58 ¹ / ₂ к.
" " 2 " 1891 г.	1 Юня "	" 1 Дек. " " 1 " "	95 "	—	95 "
" " 3 " "	15 Юля "	" 15 " " " 1 " "	79 "	—	79 "
" " 4 " "	15 Юля "	" 15 Янв. 1898 г. " 1 " "	47 ¹ / ₂ "	—	47 ¹ / ₂ "
4% обл. Николаевской ж. д.	1 Юля "	" 1 " " " 1 " "	63 ¹ / ₂ "	50 к.	13 ¹ / ₂ "
" " Либаво-Ром.	1 Юля "	" 1 " " " 1 " "	63 ¹ / ₂ "	50 к.	13 ¹ / ₂ "
" " Оренбургск.	15 Марта "	" 15 Сеп. 1897 г. " 1 " "	1 р. 74 "	50 "	1 р. 24 "
" " Рязск. Морш.	5 Апрель "	" 5 Окт. " " 1 " "	1 р. 53 "	50 "	1 р. 03 "
" " Тагил.-Козл.	1 Юля "	" 1 Янв. 1898 г. " 1 " "	63 ¹ / ₂ "	50 "	13 ¹ / ₂ "
" " Юго-Западн.	1 Апрель "	" 1 Окт. 1897 г. " 1 " "	1 р. 58 ¹ / ₂ "	50 "	1 р. 08 ¹ / ₂ "

Управляющій Э. Плесе.

Основанъ въ 1774 году

КОЛОКОЛЬНО-ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ Павла Николаевича ФИНЛЯНДСКАГО; ВЪ МОСКВѢ.

Балканъ, собственный домъ. — Телефонъ № 385.

На заводѣ имѣются для выбора колокола готовые отъ 20 фунтовъ до 250 пудовъ. На заказъ колокола отливаются до 4000 и болѣе пудовъ. Заводъ изготовляетъ по заказу колокола станционные, паровые и сферические для электрическихъ сигнальных звонковъ.

Заводъ отливаетъ колокола первые по величинѣ и отдѣлѣ въ Россіи.

- къ Московскому Успенскому собору весомъ 4000 пудовъ;
- къ Храму Христа Спасителя въ Москвѣ, весомъ 4000 пуд.;
- къ Смоленскому монастырю въ С.-Петербургѣ, весомъ;
- къ Храму Воскресенія Христова на мѣстѣ смертельнаго пораненія въ Вѣзѣ почившаго Государя Императора Александра II, весомъ 1600 пудовъ;
- къ Храму Св. Князя Владимира въ Кіевѣ, весомъ 1100 пуд.

Пресъ-курранты высылаются по первому требованію бесплатно.

На Всероссийской Промыш.-Худож. выст. въ Н.-Новгородѣ 1896 г. получена Высшая награда ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБЪМЪ.

ЦВѢТОЧНАЯ ВОДА

замѣняющ. духи всѣхъ запаховъ по 60 к. 1 р. флаконъ

ЦВѢТОЧНОЕ МЫЛО высшій сортъ

8 запаховъ по 30 к. кус.

ЦВѢТОЧНО-ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

8 запаховъ по 20 к. кус.

БАРХАТНАЯ ПУДРА

для бѣлыхъ и розовыхъ лицъ

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИЩ.

А. РАЛЛЕ и Ко.

поставщ. ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА.

Москва, Кузнечій мостъ, верхніе торговые ряды 34/44. С.-Петербургъ, Невскій 18, впадовъ 25.

ЧАСЫ „ЗВѢЗДА“.

Благодаря громадному сбыту и полному усовершенствованію изготовленія часовъ, и въ состояніи продавать съ 15 ноября прошлаго года изящные и прочныя карманные мужскія часы „ЗВѢЗДА“, крытые съ три крышки изъ чистаго золота, ничѣмъ не отличающіеся отъ настоящихъ золотыхъ, механизмъ вызолоченный, самый прочный и усовершенствованный, ходъ на камняхъ, заводъ безъ ключа

ВСЕГО ТОЛЬКО ЗА 6 РУБ. 25 КОП. — 2 штуки 11 руб. 75 коп.

Письменное ручательство за вѣрность хода на 6 лѣтъ. Часы тщательно проверенныя, высылаются по полученіи 1 руб. задатка. По желанію высылаются изящная американская дѣлочка съ брелокомъ, сер. 84 пробы, (накладного золота, въ память „франко-русскаго союза“ или съ портретами „подарить“ всего только за 1 р. 75 к. и 3 р.

АДРЕСЪ: Торговой фирмѣ Я. М. ВАРКОВИЦКАГО, СКЛАДЪ ЖЕНЕВСКИХЪ ЧАСОВЪ въ ВАРШАВѢ Панская. 5.

ЗАВОДСКАЯ МАРКА

УТВЕРЖДЕН. ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

ТОЛЬКО

НАСТОЯЩІЙ КОНЬЯКЪ

Т-ВА Н. Л. ШУСТОВЪ СЪ С-МН.

награжденный ЗОЛОТОЮ МЕДАЛЮЮ на Всероссийской выставкѣ 1896 г., имѣетъ при каждой бутылкѣ на этикеткахъ и пробкахъ заводскую марку „КОЛОКОЛЬ“

АПТЕКАРСКІЙ МАГАЗИНЪ

А. Р. ЩЕЛКИНА и Д. М. СКОВОРОДОВА

Получены БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

НЕПРОМОКАЕМЫЯ

ДѢТСКИХЪ ИГРУШЕКЪ ЛѢТНИХЪ, НАКИДКИ, ПАЛЬТО и КРЫЛАТКИ, а также и для ВОЕННЫХЪ—СЪРЫЯ

ТРАПЕЦИИ, ГИМНАСТИКИ и ПРОЧ.

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ

ТОЛЬКО ЧТО ПОЛУЧЕНЫ НАТУРАЛЬНЫЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ ЭССЕНТУКИ № 17.

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ.

Памяти Виссариона Григорьевича Вѣлинскаго.

26-го мая 1898 года.

На поминкахъ В. Г. Вѣлинскаго.

(26 мая 1848—26 мая 1898 г.).

Чья почва темней, — тамъ земля ярче!..
Майковъ.

26 мая вся мыслящая Россія чувствуетъ память В. Г. Вѣлинскаго. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, по словамъ одного изъ нашихъ поэтовъ,

«Онь угасаль...
Съ разбитымъ тѣломъ,
Съ разбитымъ сердцемъ уходилъ...
И все: что было мощныхъ силъ
И пылкой страсти въ духѣ съблѣомъ —
Все шло къ печальному концу.
По изможденному лицу,
Какъ молния, бѣгали порою
Последнихъ чувствъ, последнихъ думъ
Живыхъ всплывши; свѣтлымъ умъ
Ворвался съ наступавшей тьмою
И мысль, что въ дѣлѣ, на землѣ,
Ему завѣщанномъ отъ Бога,
Не свершено еще такъ много —
Снищомъ лежала на челѣ.
Угасъ...
Ни почестей народныхъ,
Ни кликовъ скорби, ни похвалъ...
Кружокъ друзей, какъ онъ, свободныхъ,
Какъ онъ, горячихъ, благородныхъ,
Его въ могилу провожалъ!
Сердца немногихъ болью жгучей
Сдавила роковая вѣсть:
«Вѣлинскій умеръ»...
Пять лѣтъ спустя послѣ смерти Вѣлинскаго,
о немъ сказалъ Некрасовъ:
«Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могилка,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила»...
Прошло полъ вѣка съ тѣхъ поръ, какъ
преждевременно сошелъ въ могилу дорогой
учитель,
«Въ комъ помысли прекрасныя кнѣзди,
Кто честно шелъ къ одной высокой цѣли»...
Прошло полъ вѣка...
«И этотъ человѣкъ негромкій,
Работникъ скромной тишины —
Одинъ изъ тѣхъ, кого и дальнѣе потомки
Должны глубоко чтить съ героизмомъ паравитъ...
Не умеръ онъ! онъ между нами! Душою
живъ Вѣлинскій и долго будетъ жить.
Одно воспоминаніе объ его смерти волнуетъ
ваше сердце и окрыляетъ мысль, мы какъ-
бы чувствуемъ себя и чище, и сильнѣе,
способнѣе
Идти впередъ безъ страха и сомнѣній
На подвигъ доблестный...
Пусть же на поминкахъ учителя, — какъ
сказалъ недавно нашъ современникъ П. И.
Вейнбергъ, — всѣ будутъ проникнуты «не мрач-
нымъ настроеніемъ людей, для которыхъ доро-
го только земное матеріальное существованіе,
а свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ неу-
выдаемого прекраснаго въ вѣчной, несокруши-
мой области духа».
Пусть, скажемъ мы въ заключеніе, каж-
дый изъ насъ въ день 26-го мая проникнетъ
живой и бодрой вѣрой въ выполненіе за-
вѣтовъ учителя по отношенію къ «братьямъ
по крови», въ торжестве русской гражданской
мысли и въ царствѣ свѣта и добра!
«Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!»

Александръ Борисовскій.

В. Г. Вѣлинскій,

КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И ГРАЖДАНИНЪ.

(Значеніе Вѣлинскаго въ исторіи нашего развитія, краткій біографическій очеркъ — дѣтство, гимназія и университетъ. годы, — московскій періодъ его жизни, гегельянство и душевный разладъ, переездъ въ Петербургъ и характеристика этого періода его дѣятельности).

Ровно пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ лицѣ Виссариона Григорьевича Вѣлинскаго Россія потеряла величайшаго критика нашего вѣка, своего перваго, лучшаго публициста и историка литературы, истолкователя всѣхъ общественныхъ и литературныхъ теченій своего времени и, наконецъ, самого доблестнаго и чистѣйшаго гражданина 40-хъ годовъ, «этого великаго праведника литературы русской, рыцаря безъ страха и упрека, на свѣтлой памяти котораго нѣтъ ни одного, самоуничижительнаго пятнышка».

Пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ — большой періодъ времени въ жизни нашего молодого и развивающагося общества и мы не можемъ удивляться тому, что идеи Вѣлинскаго и его время сдѣлались достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей, что онъ легъ въ основу всей нашей новѣйшей гражданственности и стали залогомъ нашего дальнѣйшаго культурнаго развитія. Правда, область научнаго, литературнаго и общественного декадентства еще очень велика и въ этой области раздаются голоса, которые заставляли бы въ негодованіи перевернуться въ гробу «ненстоваго Виссариона»;

правда, еще только въ самыя послѣдніе дни учащаяся молодежь) получала свободный доступъ къ нѣкоторымъ изъ его руководящихъ критическихъ работъ; правда также, что еще далеко то время,

«Когда мужикъ не Влукера
И не Милорда глупаго,
Вѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ»...

Но все-же колоссальное вліяніе Вѣлинскаго на нашу исторію выяснится хоть немножко, если мы скажемъ, что всѣ поколѣнія послѣдняго полувѣка, включая сюда и его современниковъ, воспитывались и развивались подъ непосредственнымъ и неотразимымъ вліяніемъ его горячихъ и страстно прочувствованныхъ произведеній, что вся наша критическая мысль и вся наша послѣдующая образованность беретъ свое прямое начало въ чистомъ источникѣ тѣхъ идей, которыя съ такимъ неподдѣльнымъ жаромъ и такимъ неподражаемымъ мастерствомъ проводилъ въ жизнь этотъ апостолъ гуманизма и поборникъ добра и справедливости. Достаточно вспомнить, что многое изъ того, что составляло предметъ его пламенныхъ и страстныхъ мечтаній и за что онъ много выстрадалъ въ своей жизни, — отжива крѣпостнаго права, преобразование нашего гражданскаго строя, улучшеніе положенія женщины въ обществѣ, смягченіе семейныхъ правъ и бытовыхъ отношеній, освобожденіе личности изъ путъ семейнаго и общественаго деспотизма и т. п., — что все это отчасти стало существующимъ фактомъ или сколько-нибудь близкимъ къ осуществленію, а многое изъ его критико-эстетическихъ взглядовъ и литературно-общественныхъ воззрѣній, повторяемъ, стали теперь ходячей монетой.

Заслуги Вѣлинскаго столько же въ литературной критикѣ, сколько и въ томъ прогрессивно-общественномъ и цѣльномъ міросозерцаніи его и кружка его, который онъ впервые сумѣлъ повѣдать русскому обществу съ горячностью и самоотверженіемъ истиннаго проповѣдника и пропагандиста.

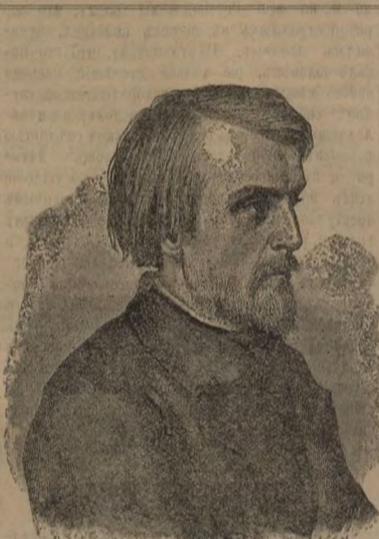
26 мая 1848 года близкіе его и друзья, изъ которыхъ многіе позже достигли славы и силы, оплакивали потерю своего вождя и искрѣпительнаго, благороднѣйшаго, доблестнѣйшаго товарища, и вотъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ мы присоединяемся къ нимъ вновь съ тѣмъ же свѣжимъ чувствомъ горести и печали, по ихъ воспоминаніямъ возстающая въ памяти образъ этого замѣчательнаго человѣка, въ груди котораго билось такое золотое, по истинѣ, великое сердце, а въ умѣ котораго рождались такія свѣтлыя и благородныя мысли.

Виссарионъ Григорьевичъ Вѣлинскій родился 30 мая 1810 года въ Свеаборгѣ, гдѣ отецъ его служилъ флотскимъ лѣкаремъ. Изъ всей его родни самой замѣчательной личностью, безъ сомнѣній, является его дѣдъ, по отцу, о. Никифоръ, священникъ с. Вѣлины (Нижегородскаго у., Пензенской губ.), отъ котораго и пошла фамилія Вѣлинскихъ. О немъ сохранилась семейная память, какъ о праведникѣ и аскетѣ, прославившемся своей благочестиво- подвижническою жизнью. Отецъ Виссариона Григорьевича былъ человѣкъ не глупый, по вполнѣ посредственный по своему душевному складу, къ концу жизни совсѣмъ свихнувшійся и заразившійся чванствомъ мелкаго дворянства, въ ряды котораго онъ былъ зачисленъ по службѣ и выслуживъ лѣтъ. Мать его была изъ дворянскаго рода, женщина, хотя и незлая, но очень мелочная, сварливая, выпытывавшая во весь жизненный обиходъ вносившая страстность и раздражительность. Кичась своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, оравившись попрекала мужа въ плѣбействѣ, дурныхъ вкусахъ и привычкахъ, вѣчно допирала его своимъ придирками и попреками, заводила ссоры, дражки и обращала семейную жизнь въ настоящій адъ.

Когда Виссариону было 6 лѣтъ, отецъ съ семьей переехалъ въ Чебары, Пензен. губ., гдѣ и протекали дѣтскіе годы Вѣлинскаго. Тутъ же онъ поступилъ въ уѣздное училище. И подобно тому, какъ семейная неурядица и неприглядная домашняя обстановка не извратила глубокой природы ребенка, такъ и удручавшая атмосфера чебарыскаго училища съ неизбѣжными драмъ и мордобитіемъ непомышляемаго ему углубилась въ чтеніе и саморазвитіе: въ теченіи курса онъ уже зналъ всю литературу прошлаго и начала наст. вѣка. Не удивительно, что своими бойкими и умными отвѣтами онъ поразилъ директора училища (Пенз. губ.) Лажечникова (романиста), ревизовавшаго училище и прозваннаго Вѣлинскаго «Истребкомъ»... Лажечниковъ былъ правъ, — это былъ настоящій орленокъ, которому предстояло смирить въ недостижимыхъ для обыкновенныхъ смертныхъ высотахъ идеализма. Еще замѣчательнѣе сказавшееся тогда въ 12-ти лѣтнемъ мальчикѣ то чувство достоинства, независимости и сознанія своихъ заслугъ, съ которыми этотъ ученикъ принялъ отъ директора подаренную ему книжку: ни малѣй-

шаго низкопоклонства, расшаркиванія и подострастія...

15-ти лѣтъ Вѣлинскій поступилъ въ Пензенскую гимназію, гдѣ, однако, курса не кончилъ, такъ какъ былъ исключенъ, главнымъ образомъ, «за нехождение въ классъ». Нужно знать всю «мерзость запустѣнія», царившую въ тогдашнихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, что бы понять причины, по которымъ Вѣлинскій пересталъ посѣщать классы, вслѣдствіе чего и оставался на второй и третій годъ и тѣмъ вызвалъ свое изгнаніе. Его «дѣвность» достаточно характеризуется тѣмъ обстоятельствомъ, что одно время онъ занималъ вакантное мѣсто учителя гимназіи и «недоучившійся» гимназистъ съ усиліемъ преподавалъ словесность своимъ товарищамъ. Единственнымъ человѣкомъ изъ всего гимназическаго персонала, оказавшимъ на него неотразимое вліяніе, былъ учитель М. М. Поповъ, къ которому онъ питалъ всю свою жизнь вѣчную и трогательную привязанность, не смотря на то, что ихъ вслѣдствіи раздѣлила пропасть общественныхъ положеній (этотъ учитель умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, долго служилъ старшимъ чиновникомъ знаменитаго III отдѣленія и въ качествѣ такового

В. Г. Вѣлинскій († 26 мая 1848 г.).

замѣчательно смягчилъ неприятности, которая тамъ готовилась для Вѣлинскаго).

Кромѣ того, его развитію способствовалъ кружокъ семинаристовъ, съ которыми онъ жилъ на одной квартирѣ, вмѣстѣ читалъ, спорилъ и дѣлился впечатлѣніями отъ чтенія и театра, такъ страстно имъ любимого въ теченіи всей жизни.

Жизнь Вѣлинскаго въ московскомъ университетѣ, куда онъ поступилъ «казенноконтнымъ» отличалась такими же скачками и порывами, какъ и раньше въ гимназіи и какъ позже во всю остальную недолгую его жизнь. Отдавшись со всѣмъ жаромъ своего пылкаго сердца новой наукѣ и новымъ впечатлѣніямъ новой для него жизни, онъ черезъ годъ бурно и «ненстова» выражаетъ въ своихъ письмахъ негодованіе на пустоту, казенничью и формалистичную окружающую его жизни. Страстно восторгаясь сначала и новыми людьми, и новой наукой, и «большими окнами, красными полами и бѣлыми сватертиями» въ «номеркахъ» общежитія, онъ черезъ годъ пишетъ своимъ роднымъ: «лучше бы согласился быть подьячимъ въ чебарыскомъ земскомъ судѣ, нежели жить въ этомъ казенномъ, проклятомъ казенномъ кошѣ... лучше бы согласился наняться къ кому-нибудь въ лакеи... Въ самомъ университетѣ ждало его не менѣе горькое разочарованіе. Если въ гимназіи ему дѣлать было нечего, потому что тамъ занимались тѣмъ, что «мыши ката хоронятъ», т. е. ученики выносили изъ класса замертво пыльных учителей, то не лучше было и въ университетѣ, гдѣ студенты на лекціяхъ «искали и находили». «Что ты, Вѣлинскій, сидишь такъ безпокойно, какъ будто на шлѣбѣ, и ничего не слушаешь?», — спрашивалъ однажды Вѣлинскаго профессоръ въ самомъ разгарѣ своихъ объясненій. Повтори-ка послѣднія слова, на чемъ я остановился?» — Вы остановились на слухахъ, что я сижу на шлѣбѣ, — отвѣтилъ иронически Вѣлинскій.

Если это и правда, что въ аудиторіи онъ сидѣлъ «на шлѣбѣ», то съ тѣмъ большею страстью проявлялся его кипучая и дѣятельная натура въ замкнутой жизни своего студенческаго кружка, въ такъ назыв. 11-мъ номерѣ (общежитіи). Тутъ читалось и обсуждалось все новое въ литературѣ и театральномъ мірѣ, писались и читались рефераты, тутъ-же впервые была прочитана драма Вѣлинскаго «Дмитрій Калининъ», аттестованная начальствомъ, какъ «безчестная и позорящая университетъ».

Замѣчательно, что самъ Вѣлинскій наивно вѣрилъ въ торжество своего 1-го литерат. опыта и серьезно мечталъ о томъ, что онъ дастъ ему славу и деньги, кот. заранѣе были уже распределены по разнымъ статьямъ и, главн. образомъ, на свое освобожденіе изъ «казеннаго кошѣ». Но, увы, начальство взглянуло иначе и нашло «безчестнымъ» содержаніе произведенія, въ которомъ пламенно бичевалось крѣпостное право и въ кот. содержались такія слова: «Милосердый Боже! Отецъ человѣковъ! Отвѣтственный мнѣ: Твоя-ли преудрава рука произвела на свѣтъ этихъ змѣевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ, и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы». И вотъ, съ высоты своихъ заоблачныхъ мечтаній, Вѣлинскій падаетъ въ самую пропасть горькой нужды и безвѣстнаго одиночества: его исключаютъ изъ университета, хотя и не точно и по причинѣ якобы «неспокойности»...

Такой урокъ «дѣятельности» могъ отрезвить всякое другое увлеченіе, но не эту-де Вѣлинскаго, *всегда и во что бы то ни стало*, искавшаго правды и не умѣвшаго скрывать ее. По выходѣ изъ университета, онъ очутился буквально въ нищетѣ, т. е. у него не было «носильнаго платья» и сапоговъ и ему угрожалъ «каждый день умереть съ голоду»: пришлось влѣзть въ кабалу, перебиваться переводомъ и мелкой литературной работой.

Изъ его писемъ за это время мы не можемъ узнать настоящаго положенія, въ кот. онъ находился, такъ какъ онъ не любилъ жаловаться на судьбу и улаживалъ себя всякими розовыми надеждами, по изъ разсказа Лажечникова мы знаемъ, что онъ однажды засталъ его живущимъ въ «бельэтажѣ» одного дома. Въ нижнемъ этажѣ жили кузены, рядомъ же, за перегородкой его комнаты, была прачечная, изъ которой его каждую минуту обдавало волнами пара, испарениями мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Это была атмосфера, изъ кот. посылитель долженъ былъ бѣжать немедленно на свѣжій воздухъ. И вотъ изъ этого ада Вѣлинскій по рекомендаціи своего единственнаго въ то время покровителя, попадаетъ въ аристократическій домъ нѣкоего превосходительства, страдавшаго маіей писательства и нуждающагося въ «домашнемъ секретарѣ» для исправленія грамматическихъ и другихъ погрѣбностей въ своихъ твореніяхъ. «Секретарь» скорѣй предпочелъ вернуться къ своимъ кузенамъ и прачкамъ, оставивъ записку съ извиненіемъ нижеподписавшагося «покорнаго слуги», что «онъ не сроденъ къ должности домашняго секретаря». А «погрѣбности» его превосходительства указаны имъ были съ открытностью въ его рецензіяхъ въ «Москвѣ» и «Телескопѣ». Это было въ то время, когда его сотрудничество въ названныхъ журналахъ обратило уже на себя общее вниманіе и составило ему имя.

Тутъ мы подходимъ къ тому періоду изъ не богатой фактами біографіи Вѣлинскаго, кот. кажется намъ наиболѣе важнымъ въ характеристикѣ Вѣлинскаго, какъ человѣка. Мы говоримъ о литературной дѣятельности его въ московскихъ кружкахъ, о томъ періодѣ ея, кот. онъ самъ отвергалъ съ такимъ негодованіемъ вслѣдствіемъ. Изъ всѣхъ знаменитыхъ потомъ членовъ двухъ кружковъ — Станкевича и Герцена, Вѣлинскій былъ самой крупнои величиной, если не по уму, то по своей отзывчивости, искренности, непосредственности натуры и, наконецъ, по таланту, который далъ ему право и возможность стать застрѣльщикомъ въ ихъ рядахъ, а вслѣдствіемъ и въ «дѣломъ крыльѣ», когда онъ измѣнилъ девицу, «все что дѣятельно, то разумно». Провозвѣстникомъ этой истины былъ Вакуиничъ, знаменитый вслѣдствіемъ «апостолъ разрушенія», чернашій философскою премудростью изъ прямого нѣмецкаго источника; Станкевичъ сталъ пламеннымъ сторонникомъ гегельянства, но Вѣлинскій довѣлъ его до его логическаго, почти абсурднаго конца, провозгласивъ въ печати о разумности всего существующаго съ тѣмъ пыломъ и страстью убѣжденія, на которое способенъ былъ человѣкъ, долго искавшій истину и, наконецъ, нашедшій ее. Онъ провозвѣщалъ «реиньяцію», покорность судьбѣ и всему существующему, ничтожество и тщету нашего міра, такъ какъ, «вѣдъ мысли все призракъ, мечта», «явленіе есть результатъ идеи», а потому явленія — это ничто, а идея — все. Такъ могъ говорить только человѣкъ, который, по выраженію Герцена, «не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ». И, дѣятельно, онъ не убоялся написать свою знаменитую «Бородинскую годину», въ за которой разнакомился съ нимъ нѣкоторые очень порядочные люди. Воспѣвать красоты міра и всего существующаго хорошо было баловнямъ судьбы, помѣщикамъ, получившимъ оброкъ съ крестьянъ и объективистамъ, логическими выкладками холоднаго ума, дошедшимъ до этихъ истинъ, но ихъ из-

рекалъ человѣкъ, всю жизнь преслѣдуемый судьбой, «матеріальнаго обстоятельства котораго были ужасны», «батракъ литературы», изнемогавшій въ ежедневномъ скудномъ журнальномъ заработкѣ, нищій пролетарій, безпокойствіе и неподкупность котораго доходила до того, что онъ «рисковалъ» каждый день умереть съ голоду, великій публицистъ и критикъ, который не оставилъ денегъ, чтобы скоротить его скорѣе въ первой работѣ тѣло. И эту жесткую философію проповѣдывалъ алчунству по натурѣ, великое сердце котораго болѣло всѣми скорбями человѣчества, боецъ и пропагандистъ по темпераменту, вносившій войну, протестъ и неистовство въ самую проповѣдь крѣпостизма.

Какое мужество и какой запасъ душевныхъ силъ надо было имѣть, чтобы при всемъ томъ твердить: «какъ прекрасенъ Божій міръ» и «какая гармонія!» разлита въ природѣ! Какъ цѣной досталось ему это самоубійственное обузданіе, во что обошлось ему достиженіе этой «всесообщающей истины», мы знаемъ теперь отчасти и то по одному скромному его признанію, что онъ «мало принесть жертвъ для мысли или лучше сказать только одну — готовность лишиться самаго задушевнаго субъективнаго чувства для нея». Шутка-ли сказать: лишиться всѣхъ тѣхъ субъективныхъ чувствъ, кот. вызываются природными склонностями, природными потребностями и всѣмъ, что улаживаетъ горечь бытія, — на это способны только герои и истинные подвижники, безъ страха и упрека.

И однако-же, эти самыя «задушевныя субъективныя чувства» взяли верхъ надъ выводами абстрактнаго мышленія, взяли верхъ прекраснаго альтруистическаго душевнаго качества чуткаго человѣка, который долго не могъ уродовать свою натуру, закрывая глаза на все царившее въ нашемъ обществѣ зло и оставаясь глухимъ къ стоанамъ порабожденнаго народа, къ воплямъ оскорбленной и подавленной личности; человѣкъ борьбы и босоваго закала долженъ былъ найти себѣ подходящую арену.

Вѣлинскаго давно тянуло вонъ изъ Москвы, отъ этихъ тѣсныхъ кружковъ, гдѣ подгрѣвались взаимныя пререканія и несогласія, и осенью 1839 года онъ переехалъ въ Петербургъ сотрудничать «Отеч. Записокъ» Краевского. Этотъ переездъ Вѣлинскаго справедливо считается эпохой въ его біографіи. Въ началѣ смутное душевное броженіе завершилось тутъ подлымъ кризисомъ, о которомъ онъ самъ писалъ, что настало время, «когда я увидѣлъ ясно, что или мнѣ надо стать тѣмъ, чѣмъ я долженъ быть, или отказаться отъ претензій на всякую жизнь, на всякое счастье»... Этотъ кризисъ протекалъ долго и мучительно, но закончился восклицаніемъ въ одною мыслью: «дѣлѣ, къ чорту всѣ высшія стремленія и цѣли! Мы живемъ въ страшное время, судьба налагаетъ на насъ сѣмю, мы должны страдать, чтобы нашимъ оукамъ было легче жить»...

Вступивъ въ отрезвляющія условія петербургской жизни и сдѣлавшись сотрудничкомъ «Отеч. Записокъ», разъ его душа «встрепенулась, какъ пробудившійся орелъ», онъ не могъ уже остановиться въ своемъ прогрессивномъ развитіи новыхъ идей, и вотъ уже въ 1841 году въ путливомъ письмѣ къ Вотику онъ писалъ: «Влагодарю покорно, Глоръ Федоровичъ (Гегель), — кланяюсь вашему философскому колаку; но, со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю довести вамъ, что если-бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень дѣятельнаго развитія, — я и тамъ попросилъ-бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ случайностей, свѣрсія, инквизиціи Филанія II и пр. и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждого изъ моихъ братьевъ по крови»... И во всю свою монострадальную жизнь онъ не имѣлъ этого счастья, потому что всегда былъ не «спокоенъ» на счетъ своихъ «братьевъ по крови», потому что всегда болѣлъ за нихъ душой, истощаясь въ защитѣ ихъ поправныхъ правъ... За пять лѣтъ до смерти счастіе улыбулось ему въ легкой привязанности, въ которой такъ вуждался этотъ чистый, мягкій и любвеобильный человѣкъ, и въ 1843 году онъ женился. Но уже черезъ три года здоровье его начало вуждаться опасенія и друзья Вѣлинскаго отравили его на югъ Россіи. Отсюда, какъ и потомъ изъ за-границы, онъ не переставалъ живо интересоваться событіями русской жизни и чутко отзываться на всѣ явленія «русской литературы». Мы знаемъ теперь, какъ совершенно болнаго Вѣлинскаго странно поразила тогда измѣна Гоголя, на котораго онъ молился и котораго такъ любилъ за его прежшій обличительныя художественныя произведенія. И вотъ, въ отвѣтъ на его «Переписку съ друзьями», онъ пишетъ ему изъ Зальдбураа свое знаменитое письмо, полное упрековъ и негодованія: «Провѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что въ дѣлаешь? — спрашиваетъ онъ Гоголя. Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдъ вы стоите надъ бездною!» И въ то время, какъ Гоголь стоялъ надъ бездною нравственною, Вѣлинскій уже обнималъ

ногами стоял въ безднѣ материальной. Какъ разица! Одинъ изъ нихъ наложилъ свое имя на дѣльную эпоху нашего общественнаго развитія («Гоголевскій періодъ» нашей литературы), а имя другого человека, сдѣлавшаго эту самую эпоху, было изъято изъ обращения на дѣлѣ десяти лѣтъ, общеніе въ кругу его идей ставилось въ вину...

Извѣстно, что не за долго до смерти Вѣлескаго, комедантъ Петропавловской крѣпости, при встрѣчѣ на улицѣ, сказалъ ему игриво: «А мы давно готовили для васъ квартиру». Смерть избавила его отъ этихъ неприятностей, но онъ преслѣдовали его идеи и не оставили въ покоѣ его семью. Такъ, неоднократно угрожали ему вѣдону пережить свою фамилию, а когда императоръ Николай I послѣдилъ однажды Александровскій институтъ, гдѣ она была кастеляншей, то на вопросъ его, чья эта милостивая и рѣзвая дѣвочка, которая выбѣжала ему на встрѣчу, ему не рѣшились назвать ея фамилию и отвѣчали: «Эта дочь кастелянши... Это была дочь великаго русскаго человека и гражданина».

Жизнь этого человека и его литературная дѣятельность резюмируются двумя словами: исканіе идеала и проведение его въ жизнь; они представляютъ одно неразрывно-гармоническое цѣлое, въ которомъ элементарно-собственно личной жизни занималъ самое малое мѣсто, въ которомъ слово съ дѣломъ никогда не расходилось. Во всей нашей литературно-биографической исторіи это едва-ли не единственный примѣръ писателя, личность котораго пропоялась такъ рѣзко въ его твореніяхъ и перипетіяхъ. Прочтите послѣднюю, возьмите любую изъ «тетрадей», т. е. большіе писемъ, которыя онъ писалъ своимъ друзьямъ, и вы увидите, что «главный пунктъ» ихъ—это все тѣ-же вопросы философіи, литературы и жизни, которые вѣчно жгли его безпокойный мозгъ, которые, по свидѣтельству современниковъ, буквально лопали его сна, аппетита и покоя. «Какъ! Мы еще не рѣшили споръ о существованіи Бога,—и вы хотите вѣстъ», сказалъ онъ съ упрекомъ Тургеневу во время одной изъ его бесѣдъ съ нимъ. Въ своихъ горячихъ и страстныхъ посланіяхъ онъ отводилъ душу, договаривая то, что старательно вычеркивалъ тогдашней цензурой. Въ нихъ есть все, что хотите, но вы не найдете тамъ ни жалоба на свою многорадальную судьбу, ни обычныхъ мелочей повседневной жизни, которыя полна обыкновенно дружескаго перипетія.

«А читали вы «Домби и сынъ»? «А какъ вамъ понравилась «Витва жизни» Диккенса», «Читали-ли ты «перепику» Гоголя? «А славнѣе-ли тамъ и т. д. Все эти вопросы и цѣлые трактаты по нимъ наполняютъ его письма до послѣднихъ дней, включая и писаніи подъ диктовку. Прочтите его послѣднее письмо, написанное дрожащей рукой, и вы увидите, какіе перипетія и бѣгства ума распаханы въ немъ о «натуральной школѣ», о значеніи личности въ исторіи и т. п. Повторяемъ, мы не знаемъ болѣе поразительнаго примѣра жизни, гдѣ личность писателя поглощалась бы болѣе тѣмъ высокими общественно-литературными стремленіями, которыя составляли конечную цѣль и единственный смыслъ его существованія. Даже «задыхался» и изнемогала въ послѣдніе дни, онъ жаловался, что не можетъ работать; наравнѣ съ участью семьи его тревожила судьба «Современника», въ который онъ вкладывалъ свою душу, какъ раньше въ книжку «Отеч. Зап.»

Въ кругу друзей и въ перипетіяхъ съ ними онъ является тѣмъ-же прямымъ, искреннимъ и горячимъ собесѣдникомъ, мнѣнія котораго такъ цѣнили его сторонники и за что такъ ненавидѣли его идейные враги. Вѣлескій былъ очень скромнымъ, конфузливъ и сдержанъ съ посторонними, особенно изъ чуждаго ему высшего слоя общества, что создавало ему массу неприятностей и порождало немало анекдотовъ даже въ то время, когда искали его общество, напр., въ салонѣ князя Одоевскаго, но приподходясь, рѣзко открывалъ и чрезвычайно обжорочивалъ со всеми тѣми, которые искали его расположенія или которые, ставъ ближе къ нему, не могли не поддаваться неотразимому обаянію его личности. Въ его обществѣ очутились дѣлались лучше и добрее, всякая гниль и душевная накипь пряталась подальше, передъ нимъ подтягивались нравственно, становились честнѣе. Нельзя безъ удивленія читать трогательную сцену его отъѣзда изъ Москвы и прощанія съ друзьями, когда Вакушинъ все время любовно глядялъ его по головѣ, а другіе душили въ своихъ объятіяхъ. Въ Петербургѣ онъ становится опять центромъ кружка и только одианъ умѣетъ привлечь къ себѣ замкнутого, недо-вѣрчиваго и озлобленнаго «счюмучку», поэта Кольцова, ставъ его интимнѣе повѣреннѣмъ, духовникомъ.

Пропахательный умъ и, главное, чуткое сердце Вѣлескаго рѣдко обманывали его въ выборѣ своихъ симпатій и въ пониманіи настоящаго неподдѣльнаго чувства, подъ какими бы обманчивыми покровами оно ни скрывалось. Такъ, онъ первый понялъ, какое глубокое и недожижное содержаніе таится за той свѣтской и напускою пустою и брауретомъ, которыми такъ щеголялъ Лермонтовъ. Онъ служилъ не только быть истолкователемъ его поэзіи, но и проникнуть влѣбъ его израненной и измученной души, заставилъ его сбросить съ себя маску свѣтскаго льва и демонической натуры. «Боже мой! Сколько эстетическаго чутка въ этомъ человѣкѣ! Какая вѣжливость и тонкая поэтическая душа в немъ!» съ восторгомъ разсказывала онъ о своемъ свиданіи съ Лермонтовымъ, когда послѣдній сидѣлъ на гауптвахтѣ за дуэль съ Варантомъ. Съ тѣмъ же безпошибнымъ чуткомъ Вѣлескій не влюбилъ Гоголя, какъ человека, что не вѣдало ему, однако же, первую понять все значеніе «Ревизора» въ то время, какъ Пушкинъ видѣлъ въ этой комедіи только комическую сторону, и, вообще, ставъ комментаторомъ и истолкователемъ Гоголя, который въ концѣ концовъ самъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ комментариевъ и разъясненій и заявилъ, что возсе не имѣлъ въ виду того, что присылаются ему *нѣкоторыя* критикъ.

Для долгой и неувыдаемой славы Вѣлескаго, вѣроятно, достаточно было бы и трехъ именъ—Кольцова, Лермонтова и Гоголя, съ

которыми онъ такъ сроднилъ и сблизилъ русское общество, идеи которыхъ онъ провѣлъ въ общее сознаніе и разъяснилъ все то, что было не ясно даже и самимъ авторамъ. Но Вѣлескій былъ всегда молодъ душою, а потому ему всегда было доступно все молодое и назрѣвающее, всякій проблескъ нарождающагося чувства и еще не развернушаго таланта. Поэтому не удивительно тѣ трогательныя формы любви и уваженія, въ которыхъ выражалось отношеніе къ нему лучшей и наиболѣе талантливой тогдашней молодежи, считавшей въ своихъ рѣчахъ такіа имена, какъ Кавелинъ, Тургеневъ, Григорьевъ, Некрасовъ, Достоевскій и др.; не удивительно также и то неподдѣльнодружеское и вѣливѣ тоwarzysское обращеніе, которое характеризуетъ отношеніе Вѣлескаго къ его молодымъ друзьямъ. Они искали его расположенія, любви и влчхновенія для своихъ литературно-общественныхъ начинаній, онъ черпалъ у нихъ, въ свою очередь, новый матеріалъ для развитія своихъ общественно-критическихъ взглядовъ, упиваясь молодымъ задоромъ въ «Завѣщаніе охотника», смаяку образа человека въ крѣпостномъ Антонѣ Горемыкѣ и подтягивая громко буйную ноту Декоративнаго стиха. И все эти крупные перлы художественнаго творчества сороковыхъ годовъ, которыми мы справедливо гордимся теперь, отгмѣнены гражданскимъ чувствомъ самого критика и той общественной тенденціей, которая впервые Вѣлескимъ была положена въ основу «эстетическихъ отношеній къ дѣятельности». И кто знаетъ, какой поворотъ приняла бы вся наша общественная мысль, какой скачелъ впередъ сдѣлалась бы она, продлился долѣе это могучее и плодотворное влчненіе!.. Вспомнимъ только поддѣйствующую дѣятельность Герцена съ его знаменитымъ «Колоколомъ», Герцена, и заграничій продолжавшаго дѣло освобожденія, начатое вмѣстѣ съ умершимъ другомъ; вспомнимъ литературную дѣятельность Добролюбова и Чернышевскаго, развивавшихъ основныя положенія своего учителя, —и намъ станетъ ясно, какую потерю понесла русская литература и жизнь въ лицѣ Вѣлескаго, натура котораго не знала остановокъ въ развитіи и не способна была бы на какіе компромиссы.

Даже въ худшіе моменты своей жизни, а именно въ періодъ «трускаго примиренія съ гниусной дѣятельностью», какъ онъ самъ выражался объ этомъ времени впоследствии, Вѣлескій не олицетворялъ собою смиренія и настоящаго примиренія, какія мы видимъ въ настроеніи Гоголя и другихъ нашихъ болѣзненныхъ писателей на склонахъ ихъ вѣтъ. «Будь чѣмъ хочешь—хоть журналистомъ, хоть альманашникомъ,—все будетъ хорошо, только будь *посмирнѣе*»,—писалъ ему Станкевичъ въ 1836 году, т. е. въ періодъ «прекраснодушія» Вѣлескаго, угдавая въ немъ будущаго протестанта и, видимо, боясь его излишней энергіи, какъ сказалъ Панаевъ. Послѣдній писатель разсказываетъ намъ о томъ впечатлѣніи, которое произвело на него первое произведеніе Вѣлескаго въ «Мольбѣ», именно статьи «Литературная метанія», «Новый, свѣжій, смѣлый духъ ея такъ и охватилъ меня,—говоритъ онъ. Не это ли, подумалъ я, то новое слово, котораго я ждалъ, не это ли тотъ самый *голосъ правды*, котораго я жадно хотѣлъ услышать? Уже въ этой статьѣ онъ называетъ авторитета и сбѣлся надъ «дѣтскими благоубиеніемъ» въ немъ.

Но самое интересное «новое слово» сказано имъ было только въ Петербургѣ послѣ того, какъ закончился тотъ мучительный процессъ раздвоенія, о которомъ мы говорили выше. Прежде всего это сказалось въ литературной критикѣ его, установившей вѣрный и по сей день взглядъ на художественное творчество, его задачи и направленіе, и отвергнувшей установленный имъ же раньше принципъ «искусство для искусства». Въ своихъ общественно-возвръншихъ Вѣлескій, разъ онъ оставилъ точку зрѣнія моралиста, проповѣдника самосовершенствованія и «абсолютнаго человека», развивалъ все далѣе, усвоивъ крайніе взгляды общественныхъ писателей того времени, какъ напр. Сент-Симонъ, Фурье и Жоржъ-Зандъ, переработавъ ихъ въ примѣненіи къ русской дѣятельности. Правда, эти взгляды мало и въ уродливой формѣ проликали въ печать, но это не значитъ, что Вѣлескій и его друзья не имѣли опредѣленной программы и, по крайней мѣрѣ, политическихъ убѣжденій, какъ это думать принято. Напротивъ, вся его обширная полемика со славянофилами,—полемика, эта боевая стихія, безъ которой онъ задыхался какъ рыба безъ воды,—показываетъ намъ, что не только изы въ то время были ему видны, но и извѣсны мѣры уречиванія, какъ, напр., отмена крѣпостнаго права, введеніе общегражданскихъ и правовыхъ учреждений, подъемъ культурнаго уровня низшихъ народныхъ образованія и т. п.

Не въ примѣръ славянофиламъ, онъ высоко цѣнилъ вѣкторіа стороны европейской цивилизаціи, но боялся развитія буржуазнаго строя и борьбы капитала съ трудомъ, которую считалъ легко разрывной у насъ, благодаря нашимъ общественнымъ условіямъ. Ставъ самъ на точку зрѣнія политической и общественной свободы, Вѣлескій поставилъ личностъ «выше исторіи, общества и человечества»,—это и понятно было въ эпоху рабства и безсмысленной подавленности личныхъ правъ и самодѣятельности; понятію также и его негодование на самохалство панславистовъ, мечтавшихъ «освободить народы», когда у нихъ самихъ еще не былъ освобожденъ народъ. «Идея общества», какъ онъ самъ выражался, охватывала и захватывала его все болѣе и еще въ 1842 году онъ воззвасился до пониманія основныхъ пружинокъ нашего тогдашняго строя, когда писалъ Виткину по поводу загубленной жизни Кольцова: «я не могу молиться ни за волюкъ, ни за медвѣдь, ни за бѣшеныхъ собакъ, ни за русскихъ купцовъ, ни за русскихъ судей и кварталныхъ; ни и не могу пинать къ тому или другому изъ нихъ личной ненависти».

«Соціальность—вотъ девизъ мой, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ. Что имѣ въ томъ, что гений на землѣ живетъ въ нѣбѣ, когда толпа влчляется въ грязь? Что имѣ въ томъ, что для избраннахъ есть блаженство, когда большая часть не

подозрѣваетъ его возможности?—такіе вопросы могъ задавать себѣ вѣловій, философскій умъ котораго болѣе всякихъ болѣзнями своего вѣка. Его собственные отвѣты на нихъ мы отчасти видѣли, отчасти ихъ не суждено видѣть по тѣмъ же причинамъ, по которымъ изы статьи о Петрѣ Вѣлескомъ, «статьи умной и живой», въ печати явилась рѣчь «о непроницаемости природы и склонности человека къ чувствамъ забвенной меланхоліи», какъ горько шутили самъ Вѣлескій надъ нежданными метаморфозами своихъ работъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о себѣ: «Природа осудила меня лаять собакой и вить скакаломъ, а обстоетельства велѣли мнѣ мурлыкать кошкой, вертѣть хвостомъ по листьямъ».

Значительно позже, въ упомянутомъ уже выше письмѣ къ Гоголю, Вѣлескій высказывается болѣе ясно. Описывая его вѣзвѣнныи идеаламъ времени, упрекая его за сужденія «изъ прекраснаго далека», онъ говоритъ, что Гоголь не замѣтилъ того, «что Россія видѣтъ свое спасеніе не въ мистичизмѣ, не въ пѣтизизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности, въ пробужденіи въ народѣ чувства человеческого достоинства, староль вѣвовъ потеряннаго въ грязи и навозѣ. *Ей нужны права и законы, сообразно съ здравыми смысломъ и справедливостію* и строгое, по возможности, выполненіе ихъ... Самые живые современные національные вопросы Россіи *теперь* уничтожены крѣпостнаго права и *отмена тѣлеснаго наказанія*... Изъ это время великій писатель, кот. дивно-художественными и глубокомысленными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самозамосу Россіи, явился съ книгою, кот. учить варвара по-мѣшкца навѣщать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ «неумными рылами». Да если бы вы обнаружилъ покушеніе на мою жизнь и тогда бы я не болѣе возмемалдѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки... Вспомнилъ я еще,—негодуетъ онъ далѣе, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, какъ великую и неоспоримую истину, будто простому человеку грамота не только не полезна, но и вредна. Что сказать вамъ на это? Да простите васъ Богъ за эту мысль, если только, передавая ее бумагѣ, вы вѣдали, что творите!»

Такое письмо не могло не произвѣсти потрясающаго впечатлѣнія не только на Гоголя, но и на всю Россію, и мы знаемъ, что оно распространилось въ сотняхъ списковъ, заучивалось наизусть. И это потому, что его писалъ человекъ, не только стоявшій впереди своего вѣка и не только оскорбленный въ глубинѣ своихъ чувствъ и помысловъ, но и обладавшій мужествомъ и гражданскимъ смѣлостію высказать свой голосъ противъ общаго кумира и въ такое время, когда одо обжорденіе этихъ вопросовъ считалось государственнѣмъ преступленіемъ, когда надъ нимъ, измученнымъ тяжелой работой и смертельными недугомъ, и безъ того сбѣрилась туча и ковался громъ...

Но и въ наши дни, когда мы благоволили вспомнаемъ человека, который, по словамъ одного современника, «стоялъ близко къ центру, къ самой сути своего народа», и теперь мы невольно возобновляемъ въ памяти также и заветы великаго учителя объ участіи «братій по крови», о нуждахъ подавленной личности и правахъ человека...

Н. П.

Вѣлескій, какъ критикъ.

Вѣлескій—явленіе исключительное въ исторіи русскаго самозамосанія вообще и русской литературы въ частности. Его обаяніе на умы современниковъ и даже послѣдующихъ поколѣній было почти безгранично. И теперь еще, спустя 50 лѣтъ послѣ его смерти, мы соединяемъ съ его именемъ что-то чрезвычайно свѣтлое и дорогое нашему сердцу. Кто только не знаетъ въ наше время имени великаго русскаго критика? Иной грамотѣй можетъ быть никогда и въ глаза не выдалъ соч. Вѣлескаго, а между тѣмъ бойко разскажетъ вамъ, что это былъ «неистовый Вассарионъ», что онъ сначала увлеклся Гегелемъ, а потомъ сказалъ ему: «благодарю покорно, Егоръ Ододровичъ, кланяюсь вашему философскому копану». Въ послѣднее же время, благодаря юбилейнымъ статьямъ и замѣткамъ, имя Вѣлескаго сдѣлалось особенно популярнымъ, такъ что грамотная Россія поближе ознакомилась съ личностю этого необыкновеннаго человека, имѣющаго всѣмъ данна, чтобы сдѣлаться умственнымъ вождемъ толпы, ея любимымъ героемъ, предметомъ ея культа.

Разсмотрѣтъ Вѣлескаго съ различныхъ точекъ зрѣнія,—это такой трудъ, который не можетъ быть втиснутъ въ узкія рамки газетной статьи, и мы ограничимся лишь попыткой указать на тѣ свойства ума Вѣлескаго, которые сыграли самую существенную роль въ дѣлѣ развитія его критическаго таланта.

Вѣлескій дебютировалъ на литературномъ поприщѣ статьѣй «Литературныя метанія—элегія въ прозѣ». Статья эта произвела сильное впечатлѣніе на весь тогдашній литературный міръ. Все увидѣли сразу, что на литературномъ горизонтѣ появилась звѣзда первой величины. И дѣйствительно, такой свѣжести, таланта, такой оригинальности, чуждой впрочемъ парадоксальности, взглядовъ такого прекраснаго, образнаго, легкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнаго языка, такого тонкаго юмора и такихъ мѣткихъ характеристикъ литературныхъ явленій русское образованное общество еще никогда не видывало въ репертуарѣ критическихъ статей того времени. Уже въ этомъ первомъ своемъ произведеніи, Вѣлескій успѣлъ провозгласить: «романтизмъ—вотъ первое слово, орасившее Пушкинскій періодъ; народность—вотъ альфа и омега новаго періода». При этомъ онъ замѣчаетъ, что полъ народности очень часто ошибочно подразумѣваютъ простонародность и тривіальность. Такимъ образомъ Вѣлескій съ перваго же своего шага занялъ позицію истолкователя новаго періода литературы, смѣивающаго романтизмъ. Онъ пишетъ цѣлый рядъ критическихъ этюдовъ о корифеяхъ этого новаго періода,—о Грѣбодовѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ, каждая изъ нихъ онъ беретъ подъ свою защиту отъ нападеній со стороны современныхъ зловоѣ или плохо постигшихъ духъ времени критиковъ, подвергаетъ тщательному анализу каждый вы-

дающийся стихъ или прозаическій отрывокъ въ произведеніяхъ любимаго писателя и на такихъ образцовыхъ разборахъ старается не только высунуть смыслъ народившагося литературнаго явленія, но и воспитать частныя повторы, рѣшенія одаѣвъ и тѣхъ же мыслей эстетическій вкусъ въ читающей публикѣ. Силою своего художественнаго восторга, возбужденнаго эстетическими красотами разбираемаго произведенія, онъ успѣваетъ такъ заразить читателя, что въ концѣ концовъ и тотъ настраиваетъ себя совершенно въ униссонъ съ чувствами и идеями критика. Вытъ можетъ въ плохой эстетикѣ и если не во всѣхъ, то во многихъ произведеніяхъ поэта не въ состояніи оцѣнить всѣхъ ихъ художественныхъ красотъ. Въ такомъ случаѣ идее вслѣдъ за Вѣлескимъ: онъ васъ введетъ въ тайники своей чуткой третейяй души, и вы только тогда убѣдитесь, какую нестерпую вереницу разнообразныхъ идей и эмоцій можетъ вызвать въ отзывчивой, какъ музыкальный инструментъ, душѣ тотъ или иной художественный образъ, а часто даже и отгдѣльное удачно подобранное слово поэта. Но не этимъ только ведилъ Вѣлескій, и врядъ-ли онъ могъ бы сдѣлаться такимъ «властителямъ думъ», каковымъ на своемъ дѣлѣ былъ въ свое время, если бы кромѣ часто критической способности, основанной на силѣ анализа, способнаго ловить малѣйшія движенія познающаго ту или иную идею духа, онъ не обладалъ другимъ качествомъ. По нашему мнѣнію эта другая сторона интеллектуальной природы Вѣлескаго ничуть не менѣе цѣнна, чѣмъ и чисто эстетическій критицизмъ Вѣлескаго. Существуетъ весьма распространенное мнѣніе, что Вѣлескій, какъ критикъ-эстетикъ, не имѣетъ себѣ соперниковъ, но какъ мыслитель, какъ выразитель вѣкторіаго, воспитаннаго на философіи Гегеля, міросозерцанія—онъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ достиженія имъ какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ. Вотъ, напр., на какія обвиненія приходилось отвѣчать самому Вѣлескому своимъ литературнымъ оппонентамъ: «Несчастная восприимчивость, способность понимать легко и поверхностно, отреченіе скоро и рѣшительно отъ вчерашняго образа мыслей, увлекательность пошлостей и доводите ее до крайности, держала его въ какой-то постоянной тревогѣ, которая обратилась, наконецъ, въ нормальное состояніе и пошлава развитію его способностей». А вотъ что говоритъ Н. К. Михайловскій въ своей статьѣ «Прудонъ и Вѣлескій»: «по за то только въ этой области (т. е. въ области эстетической критики) Вѣлескій и находилъ для себя почти непрерывный рядъ наслажденій. Какъ только эстетическое дѣленіе осложнялось философскими и нравственно-политическими началами, такъ чуть правда болѣе или менѣе измѣняло ему, между тѣмъ какъ жажда оставалась все также, и это-то и дѣлало изъ него тогда великодушнаго правды, каковыи онъ вступаетъ въ своей перепишѣ». Вотъ, видите ли, даже наиболѣе адмичивый и глубокий по части психологическаго анализа нашихъ литературныхъ знаменитостей писатель даетъ отзывъ о Вѣлескомъ аналогичный съ тѣмъ, который мы привели выше и на который Вѣлескій отвѣтилъ своему противнику достаточно внушительной отповѣдью. Свое утвержденіе Михайловскій подтверждаетъ многочисленными семаками на всѣмъ извѣстную исторію мучительныхъ нравственныхъ расчѣтовъ Вѣлескаго съ своимъ совѣстью за каждое перепитое имъ идейное увлеченіе.

Но такъ-ли это? Дѣйствительно-ли Вѣлескій въ своихъ философскихъ взглядахъ переходилъ отъ одного противорѣчія къ другому и своими безслѣдными исканіями истины представлялъ лишь печальное зрѣлище мятущагося изъ стороны въ сторону ума? Попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ съ той степенью полноты, какая допустима предѣлами нашей статьи. Всѣмъ извѣстно, что Вѣлескій близко ознакомился съ философіей Гегеля и со всей страстностью своей натуры усвоилъ всѣ ея основныя положенія. Главныи постулаты гегеліанства заключаются въ признаніи всемірнаго Духа или абсолютной Идеи, которая проявляетъ свое бытіе въ «особиномъ», т. е. въ индивидуальныхъ явленіяхъ міра. Каждое такое явленіе, заключающее частичку Идеи, есть нѣчто случайное, непостоянное, такъ какъ постоянство есть исключительное свойство лишь міровой сущности, т. е. Идеи. И такъ всякое частное явленіе, служащее формой для проявленія общаго, всемірнаго Духа, Идеи,—постоянно находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, т. е. переживаетъ извѣстный моментъ своего диалектическаго развитія. Вотъ, собственно говоря, и вся сущность гегеліанства. Отсюда уже вытекало знаменитая формула, что все дѣйствительное разумно, и наоборотъ. Но вотъ что важно. Если мы взглянемъ на увлеченіе Вѣлескаго культомъ «абсолютной Идеи» не какъ на пристрастіе его къ метафизическимъ построєніямъ, а какъ на его особую психическую складку, на особую черточку его ума, жадно стремившагося къ отысканію принципиальныхъ точекъ зрѣнія, пригодныхъ для объясненія возможно большаго круга явленій, тогда данный вопросъ представитъ для насъ новый интересъ. Обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: какъ только Вѣлескій желалъ популярно изложить основы своего философскаго міросозерцанія, онъ заводилъ рѣчь о классификаціи животннхъ, о родахъ и видахъ, о томъ, какъ составляется понятіе о типѣ и т. д. Не ясно-ли, что гегеліанская система была ему только тѣмъ и мило, что давала ему принципъ, при помощи котораго онъ съ удобствомъ могъ ориентироваться среди представлявшагося его умственному взору разнообразнаго разноразбрія явленій? Его столько же синтетическій, сколько и аналитическій умъ не могъ функционировать въ какомъ-нибудь одностороннемъ направленіи, и его величайшимъ источникомъ наслажденія была, вопреки мнѣнію Михайловскаго, не только область чисто эстетической критики, но и гармонически слитая съ ней сфера широкихъ общеній съ точки зрѣнія усвоенныхъ имъ принциповъ міровой жизни. Недостатокъ-же такой гармоніи всегда былъ для него источникомъ

не наслажденія, а глубокихъ страданій. Вотъ почему мы не согласны съ тѣмъ, что его основное міровоззрѣніе подвергалось рѣзкимъ перемѣнамъ. Какъ въ первыхъ своихъ статьяхъ, такъ и въ послѣднихъ онъ охотно возвращался къ развитію своей излюбленной идеи о взаимоотношеніи между общими и частнымъ (въ статьяхъ послѣдняго періода онъ самъ ставитъ знакъ равенства между «абсолютной идеей» и «общимъ»). Что же касается пресловутаго отождествленія дѣятельнаго и разумнаго въ томъ значеніи, которое придало извѣстную окраску знаменитымъ статьямъ «Мендель» и «Бородинская годовщина», то въ этомъ случаѣ Вѣлескій дѣйствительно погрѣшилъ тѣмъ, что увлеченный диалектическими урраженіями своихъ товарищей по кружку, онъ вмѣстѣ съ ними (т. е. главнымъ образомъ съ Вакунинымъ) раздѣлил ихъ логическую ошибку, основанную на незаконномъ отождествленіи философскихъ абстракцій съ эмпирическими выводами.

Въ одной изъ своихъ статей, писанныхъ въ 1841 г., т. е. уже послѣ снуерженія имъ стъ себя эта бакунинскихъ внушеній, Вѣлескій бросаетъ мимоходомъ слѣдующее замѣчаніе: «достоинство исторической эпохи состоитъ не въ томъ, чтобы быть безусловно разумной, но въ томъ, чтобы быть разумной въ отношеніи къ самой себѣ, сообразно съ законами исторической возможности». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «что дѣйствительно, то и разумно, но не все то разумно, что есть дѣятельность». Какъ видите, понятіе разумности тутъ подвергается уже извѣстному ограниченію и трактуется съ точки зрѣнія согласованія ея съ законами исторической возможности. Намъ кажется, что только въ этомъ ограниченіи и состояла вся та поправка, которую ввелъ въ свое міросозерцаніе Вѣлескій, когда отнесся отъ прежней формулы. Впрочемъ, мы не будемъ останавливаться на доказательствѣхъ этой гипотезы. Для насъ было важно только отмѣтить то обстоятельство, что Вѣлескій никогда не *отречался* (если не говорить о частностяхъ) отъ вышеназванныхъ имъ философскихъ принциповъ, которые онъ такъ охотно эксплуатировалъ въ своихъ критическихъ статьяхъ.

Успѣхъ его критической дѣятельности и заключался въ томъ, что онъ къ каждому отгдѣльному литературному явленію или къ дѣльному ряду таковыхъ старался подступиться съ двухъ сторонъ: разлагалъ его на составныя элементы и затѣмъ, по методу отвлеченія, доводилъ свою мысль до высшаго синтеза. Приступая къ критическому разбору того или другаго автора, или же многихъ за разъ, онъ пускается въ ходъ всю силу своего эстетическаго чутка, своей непосредственной индукціи и въ то же время совершаетъ сложную умственную операцію синтетическаго характера, а въ результатѣ получается гениальное обобщеніе, органически слитое въ одно цѣлое понятіе всѣхъ признаковъ, характеризующихъ данное литературное явленіе или даже направленіе цѣлой эпохи. На этомъ мы и остановимся. Если намъ удалось хоть до нѣкоторой степени наметить нашу точку зрѣнія и заинтересовать его читателя, то задачу свою мы считемъ совершенно исчерпанной и цѣль статьи—достигнутой. Л.

Памяти В. Г. Вѣлескаго.

Пятьдесятъ годовщина миновало,
Въ вѣчность канули тысячи дней,
Какъ великаго сердца не стало,
Какъ угасъ нашъ правдивый «длебей».

Какъ давно его рѣчи гремѣли,
Какъ давно его голосъ звучалъ,
Предъ которымъ невѣжды краснѣли,
Пошлый, мелочный свѣтъ трепеталъ.

Какъ давно его призывъ къ свободѣ,
Призывъ къ равенству, братству, любви,
—Скорый вопль о забитомъ народѣ!
Прозвучалъ въ дебряхъ нашей земли.

Какъ давно его мощное слово
Повергло въ смущеніе лystenовъ,
Безопасно клеимло все злое,
Отмѣвлено въ толгѣ наглцовъ.

Какъ давно... И замолкли тѣ звуки,
Паль нашъ славный, могучій борець,
Онъ угасъ—свѣточъ правды и чести,
Заслуживъ лишь терновый вѣнецъ.

Но не умерли страстныя рѣчи,
Не заглохли въ полнѣхъ сѣдовахъ,
Будутъ жить онѣ мощныя вѣчно,
Будутъ жечь онѣ сердце огнемъ.

Пусть лгетца, ретроградъ, фразеры
Тошутъ въ тинѣ житейскихъ тревогъ,—
Люди честные-помните заветы,
Твой заветъ для нихъ лучшей залогъ.

Виталий Ѡ—овъ.

РАБОТНИКАМЪ ПЕЧАТИ.

Собратья по перу! Сегодня передъ нами,
Покрытый слоано, украшенный вѣнками,
Стоитъ нашъ судія... и пламенный угоръ
Тангьево живого многорадальнаго взоръ.

Вотъ, вотъ уста его раскроются для слова
И зазвучитъ, какъ встарь, пророка
голосъ снова,
И станутъ вѣхъ карать, что съпомощью пера
Глумились еще надъ правдою вчера;
Что позабывъ девизъ безъ страха и сомнѣнія

Отречились отъ его возмнѣнныхъ идей!
Что ересью его «три слова» окрестили,
Завѣты лучшие учителя забыли,
И подъ личиною «отечества друзей»—
Гневутъ могучій ростъ свѣтлыхъ его идей!
Уже-ли и теперь, подъ взорамъ пророка,
Вы, мрана рытари, «безъ страха и упрека»
Посемете его «кромольникомъ» назвать.
И грязью клеветы въ лицо ему бросать.

Надѣмте-жъ нинѣ предъ нимъ съ горячею
мольбою,
Чтобъ правды и любви тернистою стезею
Онъ снова научилъ насъ немощныхъ
ходить,

И такъ, какъ онъ умѣлъ, бороться и любить.

И. Скитальцевъ.